

Святитель Макарий Коринфский
Добротолюбие. Том III
Серия «Добротолюбие. В 5 томах», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436525

*Добротолюбие: дополненное. В 5 тт. / В русском переводе святителя Феофана, Затворника
Вышенского. Том III.: Сибирская Благовонница; Москва; 2010
ISBN 978-5-91362-303-4*

Аннотация

Сборник аскетических творений отцов IV–XV вв., составленный святителем Макарием, митрополитом Коринфским (1731–1805) и отредактированный преподобным Никодимом Святогорцем (1749–1809), впервые был издан на греческом языке в 1782 г.

Греческое слово «Добротолюбие» («Филокалия») означает: любовь к прекрасному, возвышенному, доброму, любовь к красоте, красотолюбие. Красота имеется в виду духовная, которой приобщается христианин в результате следования наставлениям отцов-подвижников, собранным в этом сборнике. Полностью название сборника звучало как «Добротолюбие священных трезвомудрцев, собранное из святых и богоносных отцов наших, в котором, через деятельную и созерцательную нравственную философию, ум очищается, просвещается и совершенствуется».

На славянский язык греческое «Добротолюбие» было переведено преподобным Паисием Величковским, а позднее большую работу по переводу сборника на разговорный русский язык осуществил святитель Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894).

Настоящее издание осуществлено по изданию 1905 г. «Изданием Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря».

В третий том «Добротолюбия» вошли переводы творений святых отцов: Диадокха Фотикийского, Иоанна Карпафского, Зосимы Палестийского, Максима Исповедника, аввы Фалассия, Феодора Едесского, преп. Феодора, аввы Филимона, преп. Феоноста, Филофея Синайского, Илии пресвитера и Екдика.

По благословию митрополита Ташкентского и Среднеазиатского ВЛАДИМИРА

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Блаженный Диадокх, епископ Фотики в Эпире Иллирийском	9
Краткое сведение о блаженном Диадокхе	9
Блаженного Диадокха, епископа Фотики указание последних пределов или верха совершенства главнейших добродетелей	11
Того же блаженного Диадокха, епископа Фотики, что в древнем Эпире Иллирийском, подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и рассуждения духовного	12
1. О трех добродетелях, которые, как вожди, должны предшествовать духовному созерцанию ума[1]	12
2. Когда и как человек делается добрым	12
3. Когда и как зачинается грех	12
4. Когда и как достигаем мы того, чтоб быть по подобию Божию	12
5. Как сделать, чтобы воля только на добро была всегда готова	13
6. Что есть свет истинного ведения, и что производит в уме пользование сим светом	13
7. О том, что производит духовное слово, – и о том, что движение любви беседу о Боге делает легкою и обильною	13
8. Когда подобает приступать к беседе о божественных вещах	13
9. О даре ведения и даре премудрости, как каждый из них просвещает, и как приобретается	14
10. Когда душа в борьбе, молчать должно; а когда успокоится, тогда простирать беседу, обуздывая однако ж ум смиренномудрием	14
11. Слово духовное не ведет к тщеславию, а слово мирской мудрости – ведет. от чего то и другое?	14
12. О самолюбии и боголюбии, – и что свойственно себялюбивому и боголюбивому	14
13. Когда и от чего бывает, что иной кажется себе нелюбящим Бога, как бы желал, в то время как очень сильно любит Его	15
14. О том, кто в чувстве сердца любит Бога, и как он, совершенно отрешаясь от любви к себе, приходит в восхищенную любовь к Богу	15
15. Когда начинает кто любить ближнего, и почему любовь плотская скоро истощается, а любовь духовная – никогда	15
16. О любви к Богу в чувстве сердца, как она приобретается; также о совершенной любви, чуждой очистительного страха Божия, и о другой любви несовершенной, соединенной с очистительным страхом	16

17. Как душа больная начинает исцеляться действием страха божия, и как мало-помалу доводится до совершенного здоровья любовью	16
18. Душа, попечениями мирскими опутанная, не может любить Бога и даже правильно судить о своем положении	17
19. Что свойственно чистой душе	17
20. Необходимо с верою соединять дела, и с делами веру	17
21. Какова вера без дел, и какова, любовь действующая	17
22. Не следует любопытно исследовать глубину веры	17
23. Когда душа не может чувством сердца или вкусом ощущать вони благ Небесных, хотя бы и сильно того желала	17
24. О двояком чувстве телесном и духовном, и как надлежит возбуждать духовное чувство ко вкушению Небесного	18
25. Чувство душевное в действовании своем было едино в состоянии невинности; грехопадением оно раздвоилось, а благодать святого духа опять возводит его в простоту единства	18
26. Надобно блюсти ум несмущенным, чтоб различать верно помыслы, от Бога ли они, или от диавола	18
27. Почему мало вполне знающих падения свои, и что нужно для достижения сего	19
28. Как Святы́й Дух очищает душу, и что должны мы делать для сего	19
29. О единости чувства душевного прежде греха и разделении его по причине греха, — и о том, когда желание неразумное соединяется и бывает согласно с разумным	19
30. Когда и как чувством ума различаются истинные утешения от ложных	20
31. О ложном утешении сатаны, напускаемом во время упокоения сном, и как ум рассеивает его теплым призыванием имени Иисуса и самого сатану обращает в бегство	20
32. О добром утешении души, в бодрственном ли состоянии или во время успокоения сном бывающем, и как сатана покушается во время сна прельстить душу ложным утешением	20
33. Как радость о Духе Святом распознается от лживой бесовской, и когда диавол приступает к обольщению лживым утешением	21
34. О двоякой любви — естественной и духовной (благодатной) и об отличиях каждой	21
35. О благодати Божией, как она одна умиряет волнующие движения души	21
36. Как и когда душа может ощутить славу Божию; и о лживости диавола, показывающего иногда свет, или нечто похожее на свет	22

37. О снах, Богом посылаемых, и диаволом навеваемых и о разности их	22
38. О добродетели неверования никаким снам	22
39. Пример в доказательство того, что Бог никому не ставит в вину неверия посылаемым от него снам	23
40. О видении душою духовного в себе света, о светах вражеских и о том, как сделать, чтоб, живя в мире, быть чужду мира	23
41. О послушании, – что оно есть величайшая из добродетелей, есть дверь любви и предводительница всех добродетелей	23
42. О том, что воздержание должно держать во всем, чтоб не одни телесные стяжать добродетели, но и те, кои очищают внутреннего человека	24
43. О пользе и образе хранения воздержания в пище	24
44. Как сделать, чтоб легко было отказываться от сластей и других удовольствий	24
45. Об изгнании излишнего воздержания, чтоб тело оставалось крепким для подвигов духовных	24
46. Об умалении обычной строгости воздержания по случаю прихода братий или других странников	25
47. О посте и других телесных добродетелях, – что они одни без сердечного благонастроения не имеют цены пред Богом	25
48. О пользе умеренности в питии для духовного в душе плодоношения	25
49. О неумеренности в питии, как она вызывает срамные похотения	25
50. Об избегании употребления раздражающих аппетит напитков, искусственно приготовляемых	25
51. Чему хотел научить Господь, приав на Кресте отца из губки, надетой на трость	26
52. Духовным не следует ходить в баню; и почему	26
53. Почему в киновиях надо приглашать врача для излечения болезни; и что в таких случаях должно делать живущим уединенно в пустыни	26
54. Что показывает малодушие в болезнях, и что – благодушие	27
55. Что потребно, чтобы душа не услаждалась благами сего мира, а паче желала разрешиться от тела	27
56. Как немирное пользование телесными чувствами затрудняет памятование о боге и заповедях его, и как избежать сего зла	27
57. Как бывает, что ходящий духом не ведает вожделений плотских, и диавол тщетно искушает его чистоту	28
58. Об унынии, нападающем иногда по отгнании похотений плотских, – каково оно и как его прогонять	28

59. Коль велика помощь в духовном подвиге от непрестанного теплого поминания имени иисусова во глубине сердца	28
60. О двоякой радости, – начальной и совершенной, и о слезах средних между ними	29
61. О забвении Бога и восстановлении памятования о Нем, о причинах первого, и средствах ко второму, и о высшем его проявлении	29
62. О гневе, – когда и как можно допускать его	29
63. Совершенному в духовной жизни не подобает судиться	30
64. Лучше предав терпимую неправду Суду Божию, внимать молитве и хранению сердца, чем судиться	30
65. Продай все и раздай бедным; к сему паче всего располагает смирение	31
66. Все раздать – путь к смирению	31
67. О даре богословствования, – сколько и какие блага от него происходят	32
68. Почему ум наш не так скор на молитву, как на богословское созерцание: и сколь необходима молитва для преуспевания в таком созерцании	32
69. Благодать вначале ошутительнейше действует на душу, а потом сокращает свое действие и даже совсем сокрывает. Как это благотворно для души	32
70. Коль душевредно многословие и благотворно молчание	33
71. Как подобает боголюбивой душе управлять чувством правды	33
72. Ум – богослов и ум – знатель	33
73. О молитве гласной и в одном сердце творимой	34
74. О естественном и благодатном Боголюбии	34
75. О светоносном воздействии на душу благодати, – и об омрачении ее под действием темных сил	34
76. Как действует в душе Дух истины и дух прелести прежде крещения и по крещении	35
77. Образ действия благодати Божией в душе	35
78. Чрез крещение Святой Дух вселяется в сердце, а дух злой извергается; но этим не вконец пресекаются покушения на грех	35
79. Благодать действует чрез чувство ума, а сатана чрез плотские чувства и влечения	36
80. Против тех, кои говорят, что благодать и грех вместе обитают в сердце крещенных	36
81. Два рода злых духов: тончайшие, на душу воюющие, и грубейшие, на тело паче действующие	37
82. В сердце тех, кои во благодати суть, не может быть диавол; воюет же он против них посредством тела	37
83. Как и помыслы, сатаною всеваемые, почитаются исходящими из сердца	38

84. Пример из Писания в объяснении, что благодать и диавол не могут вместе пребывать в сердце	39
85. Доказательство того же из опытов духовной жизни, или того, как благодать и грех действуют в преуспевающем	39
86. Попущение Божие обучающее, и божие отвращение наказательное	39
87. О действиях на душу попущения Божия обучающего и оставления Божия наказательного; и о том, как надо действовать при том и другом	40
88. Примером объясняется, от чего помышляют доброе и худое при благодати. и кто сподобляется помышлять об одном духовном	40
89. Чрез крещение благодать восстанавливает образ Божий, подобие же божие она потом живописует вместе с трудами человека в стяжании добродетелей, верх коих любовь – высшая черта богоподобия	41
90. Сначала дается вполне вкусить утешения благодатные, а потом они скрываются; первое, чтоб поддерживать ревность к подвигам, а второе, чтобы подвизающийся смирялся. Полное проявление благодати в любви... и как это бывает	42
91. О действе благодатной любви к богу	42
92. Сколь необходимо для успеха в богословствовании восстанавливать нарушающийся с другими мир	43
93. Путь добродетели сначала бывает труден и горек, а потом удобным и приятным делается	43
94. Внешние и внутренние искушения делают подвизающихся способными отпечатлеть в себе божеские красоты	44
95. О двояком смирении, – смирении средних и смирении совершенных	44
96. О хранении себя от пустых худых помыслов и речей	45
97. Непрестанная память о Господе и молитва непрестанная с блюдением ума – единое средство к очищению сердца	45
98. В чем состоит бесстрастие, или чистота сердца?	46
99. О двух бесах, долже всех борющихся – бese чрезмерной ревности и похоти плотской. и как бороться против них	46
100. Должно исповедать Богу и все невольные и неведомые грехи: иначе в час смерти тяжело будет	46
Преподобный отец наш Иоанн Карпафский	48
Краткое сведение о св. Иоанне Карпафском	48
Преподобного отца нашего Иоанна Карпафского к монахам, находившимся в индии, писавшим к нему, сто увещательных глав	49
Преподобный Зосима Палестинский	62
Краткое сведение о преподобном Зосиме Палестинском	62
Блаженного аввы Зосимы собеседования	64

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Святитель Макарий Коринфский

Добротолюбие. Том III

Блаженный Диадок, епископ Фотики в Эпире Иллирийском

Краткое сведение о блаженном Диадохе

О происхождении и ранней жизни св. Диадоба до епископства ничего неизвестно. На епископстве же он славился и жизнью святою, и учением премудрым. Виктор, епископ Утики, что в Африке, в предисловии к своей Истории о мучительствах Вандалов (Palgol. Bal.?. 58), писанной им ок. 490 г., называя себя учеником его, в честь себя ставит такое название и прибавляет, что «Сей блаженный Диадок достоин быть превознесенным всякими похвалами, так как он оставил весьма много памятников православного учения о догматах и жизни христианской.» – Почему надо заключить, что он процветал во второй половине 5-го века, и может быть, не много не дожил до конца его, как можно догадываться из того, что в послании Эпирских епископов к Императору Льву (457–473) значится и его подпись. Другие обстоятельства его жизни неизвестны.

Из его писаний доныне известны: а) два слова, – одно на Вознесение Господне, с изложением православного учения о воплощении Бога Слова, другое – против Ариан; б) 100 глав подвижнических о жизни духовной, с 10-ю предшествующими указаниями последних пределов совершенства главнейших добродетелей.

Из сих писаний его приводит свидетельства Софроний, Патриарх Иерусалимский, в своем окружном послании против монофелитов (Библ. П. Фотия – чт. 231); не раз ссылался на него и прп. Максим Исповедник.

О подвижнических его главах, которые мы берем в свой сборник, блаженный Фотий отзывался так: «слово сие (т. е. 100 глав) премного полезно подвижающимся, и для тех, которые долгим упражнением приобрели навык в деланиях, ведущих к совершенству, не представляет ничего неясного; потому что в таком случае знание, опытом приобретенное, легко нападает на след учения, предлагаемого словом». Собиратели же греческого Добротолюбия в предисловии к сему слову говорят: «что св. Отец наш Диадок был муж, мудрый в деянии и светлый в созерцании, это всякому желающему можно узнать из дошедшего до нас в сохранности слова сего, которое он прекрасно составил, почерпая духовную мудрость из долговременного опыта своего и из божественных восхождений сердца своего. Разделив его на сто глав, он со всем тщанием раскрывает в них самые глубочайшие тайны желанной добродетели, преисполняя их притом частыми свидетельствами Божественного Писания и созерцаниями просвещенного верою разума. Можно сказать, что в сем слове он оставил для всех, следовавших за ним трезвенников и богоносных отцов, образцовое учение о священном трезвении совместно со всеми добродетелями. Почему найдешь, что очень многие из них обращаются к сим главам, как к самым верным указателям истины, и приводят из них дословные свидетельства в своих писаниях о трезвении. Так делали после бывшего при Андронике Палеологе Собора Григорий и Симеон Солунские, Григорий Синаит, святейший Каллист и многие другие, свидетельствуя тем о безукоризненности его учения.

Св. Церковь чтит память св. Диадоба, вместе со всеми святыми, просиявшими подвижно, в сырную субботу. На службе в сей день во 2-й песни поется: «пою и Диадоба, купно с Евстафием и Ювеналием отцевеверховными».

Блаженного Диадоха, епископа Фотики указание последних пределов или верха совершенства главнейших добродетелей

- 1) Предел, или верх совершенства веры, есть бесстрастное погружение ума в Бога.
- 2) Предел упования – преселение ума к чаемым благам.
- 3) Предел терпения – невидимого яко видимого зря умными очами, неуклонно стоять в терпении.
- 4) Предел нестяжательности – так желать не иметь, как иной желает иметь.
- 5) Предел разумения – не ведать себя в исступлении (или всецелом устремлении) к Богу.
- 6) Предел смиренномудрия – решительное забвение своих добрых дел.
- 7) Предел безгневия – великое желание не гневаться.
- 8) Предел чистоты – чувство, непрестанно прилепленное к Богу.
- 9) Предел любви – умножение дружеского расположения к тем, которые оскорбляют и поносят.
- 10) Предел совершенного изменения в сладостном вкушении Бога – вменять в радость прискорбность смерти.

Того же блаженного Диадокха, епископа Фотики, что в древнем Эпире Иллирийском, подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и рассуждения духовного

1. О трех добродетелях, которые, как вожди, должны предшествовать духовному созерцанию ума¹

Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь – и наипаче любовь; ибо те (две – вера и надежда) научают только презирать видимые блага, а любовь самую душу чрез добродетели сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого.

2. Когда и как человек делается добрым

По естеству благ Един Бог. Но и человек бывает благим чрез ревностное тщание о благих нравах, будучи изменяем в то, чем не есть по естеству. Тем, Кто существенно благ, когда душа чрез ревностное тщание о добре настолько соделается сущою в Боге, насколько она по силе своей возжелает того и деятельно взыщет; ибо сказано: *будьте благи и милосерды, как и Отец ваш, Который на Небесах* (Лк. 6, 36; Мф. 5, 48).

3. Когда и как зачинается грех

Зла нет в естестве, и нет никого, злого по естеству: ибо Бог не сотворил ничего злого. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, несмотря на то, что не есть в естестве, начинает быть, в таком виде, как возжелал сего тот, кто так делает. Почему должно, со всем тщанием непрестанно памятуя о Боге, не внимать обычным позывам на зло; ибо добро, сущее в естестве, могущественнее зла, прибывающего в естество совне чрез навык, – так как то есть, а этого нет, – разве только когда содевается.

4. Когда и как достигаем мы того, чтоб быть по подобию Божию

Все мы люди по образу Божию есмы²; быть же по подобию Божию есть принадлежность одних тех, которые по великой любви свободу свою поработили Богу. Ибо когда мы не бываем своими самим себе, отвергаемся себя, тогда бываем подобны Тому, Кто по любви Своей примирил нас с Собою; – чего никто не может достигнуть, если не убедит души своей не увлекаться прелестями жизни самодовольной и самоугодливой.

¹ Этих оглавлений нет в греческом. Их придумал латинский переводчик. Полагая, что они немало будут способствовать к уразумению и запоминанию премудрого учения св. Диадокха, заимствуем их у него (Patrol. graecae Migne, t. 65).

² В славянском переводе прибавка есть: «умным души движением». Верно, такое встречено чтение.

5. Как сделать, чтобы воля только на добро была всегда готова

Самовластие есть произволение разумной души, с готовностию устремляющееся к чему ни захочет. Таковое произволение мы будем иметь готовым на одно толко добро, если всегда благими помышлениями будем истреблять всякий злой помысл.

6. Что есть свет истинного ведения, и что производит в уме пользование сим светом

Свет истинного ведения есть – непогрешительно различать добро от зла. И тогда (когда т. е. такое различение есть и по нему устрояется самая жизнь) путь правый, возводя ум к Солнцу правды, Богу, вводит его в беспредельное оное мысленное просвещение, – как с дерзновением (верою и упованием) взыскавшего наконец единой любви. То, что праведно, должно исхищать из рук поносящих то и попирающих, с безгневным воодушевлением; потому что ревность по благочестию одерживает победу не ненавидением (гневным), а обличением и убеждением (любовным).

7. О том, что производит духовное слово, – и о том, что движение любви беседу о Боге делает легкою и обильною

Духовное слово вносит удовлетворительное убеждение в умное чувство; потому что оно (слово) действием любви исходит от Бога. Почему тогда ум наш без труда и тяжести движется в волнах богословствования, не терпя прискорбной и озабочивающей скудости светлых помышлений. В этом состоянии он свободно носится в многообъятных созерцаниях, сколько желает того действо любви. Доброе убо дело есть – для беседы о Боге всегда с верою ожидать воздействуемого любовию умного просвещения; ибо ничего нет скуднее ума, когда он без Бога берется любомудрствовать о Боге.

8. Когда подобает приступать к беседе о божественных вещах

Как тому, кто не просвещен в духе, не должно касаться духовных созерцаний, так и тому, кто богато осиявается благодатию Святого Духа, не подобает приступать к беседе о них: ибо там скудость светлых помышлений облекает ум мраком неведения, а здесь обилие их не дает говорить, так как в эту пору душа, упиваясь любовию Божиею, желает безмолвно наслаждаться славою Господа. Итак к богоглаголевым словесам (к беседе о Боге) надлежит приступать тогда, когда замечается средняя мерность в возбуждении духовном; ибо такая мера доставляет душе некий образ преславных словес (точно и ясно изображающих невидимые духовные предметы), между тем как в то же время возделенное осияние духовное питает веру говорящего в вере, чтоб учащий первым вкусил от плода ведения, исходяемого любовию. *Трудящемуся делателю прежде подобает от плода вкусити* (2 Тим. 2, 6).

9. О даре ведения и даре премудрости, как каждый из них просвещает, и как приобретается

Единого Духа Святого есть дар и премудрость и ведение, как и все божественные дарования; но каждый и из сих даров, как и из всех других, свое особое имеет действие (энергию). Почему Апостол и свидетельствует, что иному дается премудрость, а иному ведение (1 Кор. 12, 8). Ведение опытно (ощутительно) сочетавает душу с Богом, на беседование же о сем и других вещах духовных не подвигает души; почему некоторые из любомудро проходящих уединенническую жизнь хотя просвещаются в чувстве ведением, но к словесам о вещах божественных не приступают. Премудрость же, если она дается кому вместе с ведением страха ради Божия (что редко бывает), с любовью раскрывает самые внутренние воздействия (энергии) ведения; поелику то (ведение) обычно просвещает воздействием внутренним, а эта (премудрость) словом. Достигаются же они так: ведение приносят молитва и великое безмолвие при совершенном беспопечении; а премудрость – нетщеславное изучение словес Духа, наипаче же – благодать всеподающего Бога.

10. Когда душа в борьбе, молчать должно; а когда успокоится, тогда простираť беседу, обуздывая однако ж ум смиренномудрием

Когда душа гневом подвигается против страстей, ведать надлежит, что тогда время молчать, ибо то есть час брани. Когда же увидит кто, что это возмущение молитвою ли или милостынею улеглось, тогда пусть уступает влечению любви к изречению божественных словес, сдерживая однако ж крылья ума узами смирения; ибо если кто не смирит себя крайне самоуничижением, то не может достойно разглагольствовать о величии Божиим.

11. Слово духовное не ведет к тщеславию, а слово мирской мудрости – ведет. от чего то и другое?

Слово духовное хранит душу нетщеславною; ибо, исполняя все части ее ощущением богатства света духовного, делает то, что душа никакой не имеет потребности в чести людской. Почему оно и ум соблюдает всегда немечтательным, изменяя (погружая) его весь в любовь Божию. Слово же мудрости мирской всегда позывает человека к славолению; потому что оно не имеет возможности дать чувству опытно ощутить благо от себя (которое насыщало бы сердце) и взамен того дарит своим питомцам любовь к похвалам людским, будучи и само изобретением людей тщеславных. Таковое свойство духовного Слова Божия мы и сами непогрешительно познаем, если часы, в которые не имеем нужды говорить, будем проводить в теплой памяти Божией при беспопечительном молчании.

12. О самолюбии и боголюбии, – и что свойственно себялюбивому и боголюбивому

Кто себя любит, тот Бога любит не может; а кто себя не любит по причине преизобильного богатства любви Божией, тот только воистину и Бога любит. Таковой никогда уже не ищет славы своей, но всегда – одной славы Божией. Ибо как себялюбивый естественно ищет своей славы; так боголюбивый естественно ищет и любит славу Создателя своего. Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно в исполнении всех творимых ею

заповедей искать единой славы Божией, относительно же себя – услаждаться смирением. Ибо Богу ради величия Его подобает слава, а человеку – смирение, чтоб чрез него соделоваться нам своими Богу: что если хотим творить и мы, то, по примеру св. Иоанна Крестителя, радуясь о славе Господа, станем непрестанно говорить: *Оному подобает расти, а нам малиться* (Ин. 3, 30).

13. Когда и от чего бывает, что иной кажется себе нелюбящим Бога, как бы желал, в то время как очень сильно любит Его

Видел я некоего, который все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанное носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем, сам же он был как ничто. Таковой не ведает, что такое он есть, и самыми похвалами, ему изрекаемыми, не услаждается. Ибо в великом вожделении смирения он не понимает своего достоинства, но служа Богу, как закон повелевает иереям, сильным неким расположением к боголюбию окрадает память о своем достоинстве, негде во глубине любви к Богу укрывая присущее тому похваление в духе смирения, чтоб в помышлении своем всегда казаться пред собою неким неключимым рабом, как совершенно чуждому требуемого от него достоинства, по сильному вожделению смирения. Так действуя, и нам надлежит бегать всякой чести и славы ради преизобильного богатства любви к Господу, столько нас возлюбившему.

14. О том, кто в чувстве сердца любит Бога, и как он, совершенно отрешаясь от любви к себе, приходит в восхищенную любовь к Богу

Кто любит Бога в чувстве сердца, тот познан есть от Него. Ибо поколику кто в чувстве сердца восприимлет любовь к Богу, потолку и сам пребывает в любви Божией. Почему таковой не перестает в сильном некоем рвении вожделевать просвещения в разуме и стремится к нему с таким напряжением, что иной раз чувствует совершенное истощание самой силы костей своих, делаясь уже незнающим себя, но весь изменен и поглощен бывая любовью к Богу. Кто таков, тот и есть в животе сем, и не есть; так как еще странствуя в теле своем, душевным движением в силу любви непрестанно отходит он к Богу – и странно приемлется у Него. Ибо непрестанно горя в сердце неистощимым огнем любви, он по необходимости сердечно прилепленным пребывает к Богу, совершенно отрешившись от любления себя силою сей к Богу любви. *Аще бо, говорит, изумихомся, Богови: аще ли целомудрствуем, вам* (2 Кор. 5, 13).

15. Когда начинает кто любить ближнего, и почему любовь плотская скоро истощается, а любовь духовная – никогда

Когда кто начнет богато ощущать любовь к Богу, тогда в чувстве духовном начинает он и ближнего любить, и начавши, не престаёт: такова любовь, о коей говорят все Святые Писания. Любовь плотская, не будучи связана духовным чувством, как только представится какой даже незначительный повод, очень легко испаряется. Любовь же духовная не такова: но, хотя случится потерпеть какое огорчение, в душе боголюбивой, состоящей под воздействием Божиим, союз любви не пресекается: ибо возгревши себя теплотою любви к Богу, она тотчас возвращается к благому настроению и с великою радостью восприимлет любовь

к ближнему, хотя бы и не малое от него получено было оскорбление, или понесен большой вред; потому что тогда сладостию Божию совершенно поглощается горечь разлада.

16. О любви к Богу в чувстве сердца, как она приобретается; также о совершенной любви, чуждой очистительного страха Божия, и о другой любви несовершенной, соединенной с очистительным страхом

Никто не может возлюбить Бога от всего сердца, не возрев прежде в чувстве сердца страха Божия; ибо душа в действительную любовь приходит после того уже, как очистится и умягчится действием страха Божия. В страх же Божий, со сказанным плодом от него, никто не может прийти, если не станет вне всех житейских попечений; ибо только тогда как ум успокоится в полном безмолвии и беспопечении, начинает спасительно воздействовать на него страх Божий, в сильном чувстве очищая его от всякой земной дебелости, чтоб таким образом возвести его в полную любовь ко всеблагому Богу. Так что страх есть принадлежность праведных,

только еще очищаемых, в коих качествует средняя мера любви, а совершенная любовь есть принадлежность уже очищенных, в коих нет страха, так как *совершенная любовь вон изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). То же и другое бывает только у праведных, действием Духа Святого проходящих добродетели. Почему и Писание, где говорит: *бойтесь Бога, вси святии Его* (33, 10), а где: *возлюбите Господа, вси преподобнии Его* (Пс. 30, 24), – давая нам ясно уразуметь, что страх Божий свойствен только еще очищающимся праведникам с среднею, как сказано, мерою любви, праведникам же очистившимся свойственна совершенная любовь; и в них не бывает уже никакого страшливого помышления, а пребывает одно непрестанное горение и прилепление души к Богу, действием Духа Святого, как говорит пророк: *прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9).

17. Как душа больная начинает исцеляться действием страха божия, и как мало-помалу доводится до совершенного здоровья любовью

Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не подготовить, как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств; а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств и чрез то приходят в совершенное исцеление: так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о страшном и неумытном судилище Божиим; а когда начнет действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинает чувствовать, как живительное нкое врачество, страх Божий, пережигающий ее, как в огне некоем, действием обличений, и таким образом мало-помалу очищаясь, достигает наконец совершенного очищения. При сем в ней сколько прилагается любви, столько же умягчается страх, пока придет в совершенную любовь, в коей, как сказано, нет страха, но совершенное бесстрастие, действием славы Божией производимое. Буди же нам в похвалу похвал непрестанную, во первых, страх Божий, а наконец, любовь, – полнота закона совершенства во Христе.

18. Душа, попечениями мирскими опутанная, не может любить Бога и даже правильно судить о своем положении

Душа, не освободившись от мирских забот, ни Бога не возлюбит искренно, ни диаволом не возмерзит, как достойно. Попечение о животе сем лежит на ней как тяжелое покрывало, и ум ее не может установить в себе своего о сем судилища, чтоб у себя самого ощутительно слышать безошибочные приговоры суда (совести). Почему всячески потребно удаление от мира.

19. Что свойственно чистой душе

Душе чистой свойственны слово независтное, рвение незлобивое и рачение о славе Господа непрестанное. Тогда (когда душа чиста) и ум верно устанавливает свои чаши (как устанавливаются на весах чаши весовые), и трезвенным пребывает в своем о всем суждении, как на чистейшем и неподкупном судилище.

20. Необходимо с верою соединять дела, и с делами веру

Вера без дел, и дела без веры одинаково не могут быть одобрены. Верующему, чтоб доказать свою веру, должно приносить Господу дела. И отцу нашему Аврааму вера не была бы вменена в правду, если б он не привел плода ее – сына своего на жертву Богу.

21. Какова вера без дел, и какова, любовью действующая

Любящий Бога и верует искренно, и дела веры совершает преподобно. Верующий же только, а не пребывающий в любви и самой той веры, которую кажется имеющим, не имеет. Он верует с некою легкостью ума, не нося в себе действенного (устанавливающего его на едином) отвеса преславной любви. Только *вера, любовью действующая* (Гал. 5, 6), есть великая главизна добродетелей.

22. Не следует любопытно исследовать глубину веры

Исследующий глубину веры обуреваются волнами помышлений; а созерцающий ее в престоисердечном расположении наслаждается сладостною внутреннею тишиною.

Глубина веры, будучи водою забвения, не терпит, чтоб в нее смотрели или ее узревали любопытными помышлениями. Будем же в простоте ума плыть по водам сим, чтоб таким образом dospеть в пристань воли Божией.

23. Когда душа не может чувством сердца или вкусом ощущать вони благ Небесных, хотя бы и сильно того желала

Никто не может искренно любить или веровать иначе, как если он не имеет себя самого осудителем себя. Ибо когда совесть наша тревожима бывает своими обличениями, тогда уму не попускается чувствовать благоухания премирных благ, но он тотчас же раздвояется сомнением: в силу предшествовавших опытов веры теплым движением вождельно устремляется он к ним, но уже не может любовно воспринять их в чувстве сердца по причине, как я сказал, частых угрызений обличающей совести. Впрочем, если мы очистим себя теплейшею

молитвою и вниманием, то опять улучим сие вожденное благо, еще с большим опытным в Боге вкушением его.

24. О двояком чувстве телесном и духовном, и как надлежит возбуждать духовное чувство ко вкушению Небесного

Как к видимым нам благам невольно некак влекут нас телесные чувства: так к благам невидимым обыкновенно руководит нас чувство умное – духовное, когда вкусит божественной благодати. Все вожделевает сродного себе: душа, как бестелесная, – Небесных благ, а тело, как персть от земли, – земных сластей. Итак в состояние опытно вкушать невещественное незаблудно достигнем мы, если трудами утончим черствое тело свое.

25. Чувство душевное в действовании своем было едино в состоянии невинности; грехопадением оно раздвоилось, а благодать святого духа опять возводит его в простоту единства

Что чувство естественное одно, сему научает нас самое действо (энергия) святого ведения (просвещенный благодатию разум). Преступлением Адамовым оно разделилось на два действия (энергии); но Святым Духом оно опять соделовалось единым и простым. Этого однако ж никто не может увидеть в себе, кроме тех одних, которые, в чаянии будущих благ, охотно отрешаются от благ жизни сей и воздержанием иссушают всякое вождение телесных чувств. Ибо только в таковых ум, по причине полного беспопечения, здраво и бодренно совершая свои движения, может чувством неизреченно вкушать божественную благодать, и в то же время по мере своего преспеяния сообщать свои радости и телу, безмерным неким словом в любви изваявая свое обрадование исповеданием, говоря: *на Того упова сердце мое, и поможет ми: и процветет плоть моя, и волею исповемся Ему* (Пс. 27, 7). Таковое обрадование, бывающее в сем случае в душе и теле, есть нелестное напоминание о вечно нетленном житии.

26. Надобно блюсти ум несмущенным, чтоб различать верно помыслы, от Бога ли они, или от диавола

Подвизающимся надобно всегда соблюдать мысль свою неволнующеюся, чтобы ум верно мог различать набегающие помыслы, и различая, добрые и богопосланные влагал в сокровищницу памяти, а непотребные и демонские извергал вон из влагалищ естества. И море, когда стоит покойно, бывает видно для рыболовов до самых последних глубин своих, так что тогда не укрывается от них ни одна почти из движущихся там живых тварей; когда же оно взволновывается ветрами, тогда скрывает в непроницаемой мутности своей то, что во время приятной тишины щедро давало видеть; от чего в ту пору искусство рыболовной хитрости устрояющих остается без дела. Это же случается претерпевать и созерцательному уму, особенно когда глубина души возмущается гневом неправедным.

27. Почему мало вполне знающих падения свои, и что нужно для достижения сего

Очень немного таких, которые точно знают все свои падения и которых ум никогда не отторгается от памятования о Боге. Как телесные наши очи, когда здоровы, могут все хорошо видеть до малейших комарей и мушек, летающих в воздухе; а когда бывают запорошены или влажным чем покрыты, тогда что велико и всегда им встречается, то видят, хоть слабо, а что мало, того совсем не ощущают чувством зрения: так и душа, когда вниманием к себе прогонит омрачение, случающееся с нею от миролюбия, тогда и малые свои падения почитая очень великими, слезы к слезам прилагает с великим благодарением, сокрушаясь о том, — как сказано: *праведнии исповедаются имени Твоему* (Пс. 139, 14); а когда одержима бывает миролюбивым расположением, тогда если совершит убийство, или другое что достойное наказания, чувствует еще немного, других же падений никаких и заметить не может, даже нередко почитает их за добродетели и не стыдится с жаром защищать их, несчастная.

28. Как Святой Дух очищает душу, и что должны мы делать для сего

Очистить ум только Духа Святого есть дело. Ибо если не придет Крепльший Сей, не поймает и не свяжет хищника онго (Лк. 11, 22), то похищенное им никак не может быть высвобождено. Подобаet убо всякими добродетелями, наипаче же миром душевным упокоевать в себе Духа Святого, чтоб иметь в себе светильник разума всегда светящим; потому что когда он непрестанно светит в сокровенностях души, тогда не только явны бывают в уме даже малые темные прилоги бесовские, но и бездейственны и неустойчивы, будучи обличаемы Святым оным и преславным Светом. Почему Апостол и говорит: *Духа не угашайте* (И Сол. 5, 19), т. е. не *оскорбляйте* (Еф. 4, 30) благостыни Святого Духа злыми делами или помышлениями, чтоб не лишиться всепобедительного онго светильника. Ибо не присносущный и животворный угасает при сем Дух, но Его опечаление, или лучше отвращение, оставляет ум наш ожестелым и чуждым света ведения.

29. О единости чувства душевного прежде греха и разделении его по причине греха, — и о том, когда желание неразумное соединяется и бывает согласно с разумным

Едино есть, как я сказал, естественное в душе чувство [ибо известные пять телесных чувств суть особое дело; они служат потребностям тела, как научает нас всесвятой и человеколюбивый Дух Божий]; но оно ныне в проявлениях движений души разделяется надвое по причине поползновения на недоброе, приразившееся к уму чрез преслушание. Почему, то оно влечется страстною частию души, — от чего мы сладостно сочувствуем благам житейским; то соуслаждается разумному мысленному ее движению, — поколику ум наш, когда мы целомудствуем, с вожделением устремляется теши к небесным красотам. Если потому мы придем в навык презирать блага мира сего, то сможем наконец и земное вожделение души привести в согласие с разумным ее настроением, в силу общения Духа Святого, сие в нас домостроительствующего. Ибо если Его Божество действительно не озарит сокровенностей нашего сердца, то мы не возможем нераздельным чувством, т. е. всецелым расположением души, вкусить Небесного блага.

30. Когда и как чувством ума различаются истинные утешения от ложных

Чувство ума есть вкус его, верно различающий духовные вещи. Как телесным нашим чувством вкуса в здоровом состоянии непогрешительно различая хорошее от нехорошего, приятного желаем (от неприятного же отвращаемся): так и ум наш, когда начинает действовать в добром настроении и в полном беспопечении о преходящем, может богато ощущать божественное утешение и нимало не быть увлекаемым ничем противным тому. Ибо как тело, земных вкушая сластей, приобретает опытность в чувстве сем безошибочную: так и ум, когда поднимается выше плотского мудревания, может нелестно вкушать и различать утешение Святого Духа, как говорится: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9), и имея память о сем вкушении по действию любви незабвенною, непогрешительно различать лучшее, по слову св. Апостола: *и о сем молюся, да любовь ваша паче и паче избыточествует в разуме, и во всяком чувстве, во еже искушати вам лучшая* (Флп. 1, 9).

31. О ложном утешении сатаны, напускаемом во время упокоения сном, и как ум рассеивает его теплым призыванием имени Иисуса и самого сатану обращает в бегство

Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святого Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса, и как верным оружием против прелести воспользуется сим пресвятым и преславным именем; то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но за то возгорается наконец бранию против души своим лицом (а не помыслами). Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого, более и более преуспевает в различении духовных вещей.

32. О добром утешении души, в бодрственном ли состоянии или во время успокоения сном бывающем, и как сатана покушается во время сна прельстить душу ложным утешением

Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге как бы прилеплен бывает любовью к Нему; а утешение обманчивое, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое некое дремание, или забытие, при памятовании о Боге посредственном. То, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия в любви Божией в сильном излиянии душевных чувств; а это обыкновенно обвеваает душу неким ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покушается похитить чувство вкушением чего-то приятного, несмотря на то, что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. — Итак если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это обманчиво кажущееся приятным дыхание врага, и с радостью выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие, по благодати, в прехвальной опытности своей духовной.

33. Как радость о Духе Святом распознается от лживой бесовской, и когда диавол приступает к обольщению лживым утешением

Если душа неколеблущимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча некак в глубину сей неизреченной любви и самое тело, – в бодрствовании ли то, или, как я сказал, при погружении в сон воздействию святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом не помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; – то ведать надлежит, что это есть действие Святого Духа. Будучи вся преисполнена приятных чувств от неизреченной оной божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоею радостью. Если же при таком возбуждении ум воспримет колебание некое сомнительное, или нечистое какое помышление, и если при сем Святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу; – то ведать надлежит, что утешение это – от прельстителя, и есть только призрак радости. Радость такая совне навевается, и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими некими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу, в ожидании, что она, будучи развлекаема этою блажною макротною сластиею, не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать *духа истины и духа лестча* (1 Ин. 4, 6). – Никому впрочем невозможно ни божественной благодати чувством вкусить, ни горести бесовской ощутительно испытать; если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтоб люди как-нибудь удостоверились в этом, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятью о Боге.

34. О двоякой любви – естественной и духовной (благодатной) и об отличиях каждой

Есть любовь в душе естественная, и есть от Святого Духа в нее изливаемая. Та, если захотим, приходит в соразмерное движение и от нашей воли; почему удобно расхищается злыми духами, коль скоро перестаем в усиленном напряжении держать свое произволение. А эта так пламенит душу любовью к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости божественного возлюбления в безмерной некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного (благодатного) действия (энергии), источает обильный некий поток любви и радования.

35. О благодати Божией, как она одна умирят волненные движения души

Как море волнуемое, когда возливают на него еля, обыкновенно стихает, потому что тучность еля препобеждает силу воздымающей волны бури: так и душа наша, умащаемая благодатию Святого Духа, сладостно исполняется тишиною; потому что, по слову пророка: *обаже Богови повинися душе моя* (Пс. 61, 6), – тогда к обрадованию ее пресекается всякое в ней волнение, уступая приосеняющей ее благодати Духа и порождаемому тем бесстрастию. Почему какие бы потрясения ни покушались в ту пору произвести в душе бесы, она пребывает мирствующею в себе и всякого полною радования. Но в такое состояние никто не

может прийти, ни пребывать в нем, если не будет непрестанно отрезвлять и услаждать душу свою страхом Божиим; ибо страх Господень приносит подвижающимся некий вид непорочности и чистоты. *Страх Господен чист*, говорит пророк, *пребываяй в век века* (Пс. 18, 10).

36. Как и когда душа может ощутить славу Божию; и о лживости диавола, показывающего иногда свет, или нечто похожее на свет

Никто, слыша о чувстве ума, да не воображает, будто слава Божия является ему чувственно. Мы говорим, что душа, когда бывает чиста, неизреченным неким вкушением ощущает божественное утешение, но не так, чтоб при сем чувственно являлось ей что-либо из невидимого; *ибо ныне мы верою ходим, а не видением*, как говорит блаженный Павел (2 Кор. 5, 7). Почему, когда кому-либо из подвижающихся явится свет, или зрак какой огневидный, или глас, пусть он ни под каким видом не принимает за истинное такое явление. Ибо это явно есть прелесть вражия, – и многие, с которыми это случалось, по неведению сбивались с пути истинного. Мы же знаем, что пока живем страннически в тленном теле сем, устранимся от Бога (2 Кор. 5, 6), – т. е. не имеем возможности видимо видеть ни Его, ни дивных вещей Его пренебесных.

37. О снах, Богом посылаемых, и диаволом навеваемых и о разности их

Сны, являющиеся душе по любви Божией, суть необманчивые указатели здоровья душевного. Они не изменяются из одного образа в другой, не наводят страха, не возбуждают смеха или внезапного опечаления, но приступают к душе со всею тихостию и преисполняют ее духовного радования; почему душа, и по пробуждении тела, со всем вожделением ищет этого испытанного во сне обрадования. У бесовских мечтаний все бывает противно сему, – не пребывают они в одном и том же образе, и вида своего не показывают долго не смятенным; потому что тем, чего нет в их произволении, но что заимствуют они из своей только лживости, долго довольствоваться они не могут. При этом они много говорят и обещают великого, а еще больше угрозами страшат, принимая на себя нередко вид воинов; иногда припевают душе и что-нибудь льстивое с шумным криком. Ум, когда чист бывает, скоро распознает их, и – иногда мысленным напряжением пробуждает тело, а иногда охотнее остается в том же положении, радуясь, что возмог распознать их лукавство, и в том же сне обличая их и тем подвигая их на великий против себя гнев. – Бывает, впрочем, что и добрые сны не радость приносят душе, а печаль некую сладостную, и слезу неболезненную. Это случается с теми, которые преуспели уже в великом смиренномудрии.

38. О добродетели неверования никаким снам

Мы изложили, как различать сны хорошие и худые, основываясь на том, что сами слышали от опытных старцев. Да довлеет однако ж нам паче, как великая добродетель, то правило, чтоб отнюдь не верить никакому сонному мечтанию. Ибо сны наибольшею частию бывают ни что иное, как идола помыслов, игра воображения или еще, как я уже говорил, бесовские над нами наругания и забавы. Если, держась сего правила, мы иногда не примем такого сновидения, которое послано будет нам от Бога, то не погневается за это на нас любвеобильный Господь Иисус, ведая, что мы дерзаем на это из опасения бесовских козней. Ибо хотя предреченный способ различения снов верен; случается однако ж, что душа, по

некому восхищению вражьему нечувствительно и непроизвольно будучи осквернена, – без чего, как думаю, никто не обходится, – теряет след верного различения и верит снам недобрым, как добрым.

39. Пример в доказательство того, что Бог никому не ставит в вину неверия посылаемым от него снам

Да послужит нам в доказательство сказанного следующий случай: господин после долгого отсутствия, возвратясь домой, стоит ночью у ворот и зовет раба, чтоб отворил; раб, не распознавая точно, господин ли это, решительно отказывает ему в этом, боясь, чтоб, обманувшись сходством голоса, не впустить злодея и не сделаться предателем вверенного ему господином имущества; и господин, когда настал день, не только не разгневался за это на него, но напротив великими превознес его похвалами что голос его самого счел обманом, не желая употребить что-либо из его имущества.

40. О видении душою духовного в себе света, о светах вражеских и о том, как сделать, чтоб, живя в мире, быть чужду мира

Что ум наш, когда начнет в нем ощутительно действовать божественный свет, соделывается весь светлым, так что сам богато видит сей суший в нем свет, в этом не должно сомневаться. Так всегда бывает, коль скоро душа сильно возгосподствует над страстями. Но бывает, что нечто подобное призрачно является в уме и от злокозненности вражеской, то как свет, то как огонь, как учит божественный Павел, говоря, что и *сатана* иногда *преобразуется в Ангела света* (2 Кор. 11, 14). Почему не должно в такой надежде, (т. е. в надежде видеть свет в себе) приступать к прохождению подвижнического жития, чтоб сатана не нашел поэтому души предуготованною к восхищению ее в прелесть и не восхитил в самом деле. Но должно то одно иметь при сем в виду, чтоб достигнуть любви к Богу всем чувством и с полным удостоверением сердечным, – что и есть любить Бога всею душою, всем сердцем и всем помышлением (Лк. 10, 27). В ком действуется сие благодатию Божиею, тот, живя в мире, чужд бывает мира.

41. О послушании, – что оно есть величайшая из добродетелей, есть дверь любви и предводительница всех добродетелей

Послушание есть, как достоверно известно, первое в числе вводных (новоначальных) добродетелей добро; ибо оно отсекает кичение и порождает в нас смиренномудрие. Почему бывает входною дверью любви ко Христу Богу для тех, кои с сердечным расположением держатся его. Отложив его, Адам ниспал во глубину ада. Господь же, возлюбив его, в силу домостроительства нашего спасения, послушлив был Отцу Своему даже до креста и смерти (Флп. 2, 8), – и это тогда, как ни в чем не меньше был величества Его, – чтоб, своим послушанием загладив вину преслушания человеческого, тех, кои поживут в послушании, возвести к блаженной и вечнующей жизни. Итак, тем, кои восприимлют борьбу с гордынею диавольскою, прежде всего должно возревновать о сей добродетели, – и она, предшествуя, незаблудно покажет им потом все стези добродетелей.

42. О том, что воздержание должно держать во всем, чтоб не одни телесные стяжать добродетели, но и те, кои очищают внутреннего человека

Воздержание есть принадлежность всех добродетелей; почему *подвизающийся* должен от всего *воздерживаться* (1 Кор. 9, 25). Как, когда отнят будет какой-нибудь наималейший член человеческого тела, весь вид человека делается безобразным, как ни будь мало то, чего в нем не достает: так и когда кто об одной лишь какой вознерадит добродетели, расстраивает все благолепие воздержания, хотя и не видит того. Почему должно не только телесные любовно проходить добродетели, но и те, которые имеют силу внутреннего нашего очищать человека. Ибо какая польза тело соблюдать девственным, когда душа блудодействует с бесом непослушания? Или как увенчается тот, кто от чревоугодия и всякой другой похоти телесной блюдет себя, а о кичении и славолубии небрежет, не стерпевая даже и малейшего оскорбления; тогда как ведает, что свет правды имеет уравновесить чашу (воздаяния) с делами правды только тех, кои совершали их в духе смирения?

43. О пользе и образе хранения воздержания в пище

Все бессловесные похоти подвизающимся так должно возненавидеть, чтоб эта ненависть к ним обратилась у них в навык. Воздержание же в пище так надлежит соблюдать, чтоб никто никогда не доходил до почитания мерзким какого-либо из яств. Это бесовское дело и есть клятвы близ. Ибо мы не потому воздерживаемся от некоторых яств, что они по природе злы, – да не будет! – но для того чтоб, воздерживаясь от них, соразмерно укротить пламенеющие члены плоти; еще же и для того, чтоб остающаяся у нас от потребления пища была обращена в удовлетворение насущной нужды бедных, – что есть признак искренней любви.

44. Как сделать, чтоб легко было отказываться от сласти яств и других удовольствий

От всего предлагаемого для ястия и пития есть и пить со благодарением Богу несколько не противно закону ведения; ибо вся в созданиях Божиих *добра зело* (Быт. 1, 31). Но самоохотно воздерживаться от многоядения и сладкоядения весьма благоразумно и премудро. – Только отказываться так самоохотно от предлежащих сластей мы не можем, если самым делом и опытом не вкусим божественной сладости всем чувством.

45. Об изгнании излишнего воздержания, чтоб тело оставалось крепким для подвигов духовных

Как множеством яств обременено будучи, тело наше делает ум каким-то беспечным и неподвижным: так и будучи измождено чрезмерным воздержанием, соделовав созерцательную часть души унылою и несловолюбивою (м. б. не охочю рассуждать). Подобаеет убо образ питания телесного соразмерять с состоянием сил и крепости тела: когда оно здорово, утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, послаблять ему несколько. Подвизающемуся не следует расслабевать телом, но быть в силе, сколько требуется для подвига, чтоб хотя телесными трудами очищалась надлежаше и душа.

46. Об умалении обычной строгости воздержания по случаю прихода братий или других странников

Когда, при приходе каких-либо братий или какого-либо странника, тщеславие, пользуясь сим случаем, придет в движение и, надымая нас своим ядом, станет подстрекать не нарушать своего о пище устава; тогда наипаче благопотребно послабить несколько меру обычного пищеприятия. Ибо таким образом мы и беса отошлем от себя с оплакиванием безуспешности своего покушения, и закон любви рассудительно исполним, и тайну воздержания нашего чрез послабление его сохраним невыказанною.

47. О посте и других телесных добродетелях, – что они одни без сердечного благонастроения не имеют цены пред Богом

Пост, хотя как орудие, благоустраивающее хотящих к целомудрию, имеет цену, но не пред Богом. Почему подвижникам благочестия не должно высокоумствовать по поводу его, но от единой веры в Бога чаять достижения своей цели. И мастера по какому-либо искусству в совершенстве своей искусности удостоверяют не добротностью своих орудий, но терпеливо заканчивают какое-либо изделие, и оно уже служит показателем, насколько они искусны в своем мастерстве.

48. О пользе умеренности в питии для духовного в душе плодоношения

Как земля умеренно напаяемая, с большим приплодом изращает вметаемое в нее чистое семя, а упоемая слишком обильными дождями приносит только терния и волчцы: так и земля сердца, когда употребляем вина в меру, естественные свои семена являет чистыми, а всеваемые в нее Духом Святым износит добролиственными и многоплодными; когда же чрез меру одождим ее многопитием, износит только терния и волчцы всеми помыслами своими.

49. О неумеренности в питии, как она вызывает срамные похотения

Когда ум наш плавает в волнах многопития, тогда не только на образы, во сне представляемые ему бесами, смотрит страстно, но и, сам в себе рисуя некие красивые лица, такими мечтаниями своими, как какими живыми существами, услаждается с раждежением. Ибо когда похотные части тела разогреются от винной теплоты, тогда нуждение некое налегает на ум представлять в себе сластолюбно такие тени страсти. Почему надлежит нам, соблюдая мерность, избегать вреда от излишества бывающего. Тогда ум, не имея подвигающей его на живописание греха сласти, пребывает весь немечтательным и, что еще лучше, бессластным.

50. Об избегании употребления раздражающих аппетит напитков, искусственно приготавливаемых

Желающим укротить воздымающиеся члены тела не должно касаться искусственно приготавливаемых напитков, которые хитрецами такого изобретения называются предпитием

по той причине, что они обыкновенно пролагают в чрево путь множеству яств. Ибо не только качество их бывает во вред подвижающимся телам, но и самое безмысленное смешение входящих в их состав веществ сильно поражает богобоязненную совесть. Ибо чего такого не достаёт в естестве вина, чтоб нужда належала примешением разных сластей смягчать его крепость?

51. Чему хотел научить Господь, прияв на Кресте оцта из губки, надетой на трость

Господь наш, и сего священного (подвижнического) жития Учитель, Иисус Христос оцтом был напоен во время страдания Своего от тех, кои служили повелениям диавола, чтоб оставить нам, как мне кажется, ясный образец, с каким расположением должны мы проходить священные подвиги. Сим он как бы сказал: подвижающимся против греха не должно употреблять сладких яств или питий; но паче должно терпеливо переносить горечь брани. Можно приложить и значение иссопа к губке, чтоб чрез тот и другую совершеннее представить образ нашего очищения. Тот, как вещь жесткая, представляет свойство подвигов, а эта, как вещь, употребляемая при омовениях, напоминает о полном совершенстве очищения.

52. Духовным не следует ходить в баню; и почему

Ходить в баню никто не сочтет грешным или неразумным; но воздержания ради удалиться и от этого, я называю делом и мужественным и целомудреннейшим. Ибо в таком случае ни тело наше не разблажается сладным оным омовением, ни в душе не возбуждается воспоминание о бесславном обнажении Адама, чтоб подобно ему заботиться о листьях для прикрытия второй срамоты обнажения. Особенно это необходимо для нас, которые, недавно высвободясь из пагубного растления жизни сей, должны всячески стараться пребывать в неразлучном единении с красотой целомудрия непорочною чистотою своего тела.

53. Почему в киновиях надо приглашать врача для излечения болезни; и что в таких случаях должно делать живущим уединенно в пустыни

Врача приглашать во время недугов ничто не препятствует. Бог провидел, что будет нужда во врачевательном искусстве и благоволил, чтоб оно наконец составилось на основании опытов человеческих; для того наперед дал бытие и врачествам в ряду творений. Впрочем, не на них должно полагать надежду уврачевания, но на истинного нашего Врача и Спасителя, Иисуса Христа. Это однако ж я говорю тем, которые жизнь подвижническую проводят в киновиях или в городах, по той причине, что они, судя по течению приключаящихся с ними обстоятельств, не всегда могут иметь непрестанным действо веры, будучи окружены любовью, – а то – и по той, чтоб не впадали они в тщеславие и в искушение диавола, по которым некоторые из них при многих объявляют, что не имеют нужды во врачах. Если же кто отшельническую жизнь проводит в местах пустынных с двумя или тремя единомысленными братьями, то каким бы недугам ни подвергался он, да предаст себя Единому Господу, Целителю всякой нашей болезни и немощи. По Господе он в самой пустыни имеет довольное утешение в болезнях, к тому же, как действо веры может у него не оскудеть никогда, так и выставить напоказ свою добродетель терпения не имеет он возможности, будучи прикрыт доброю завесою пустыни. Для сего-то Господь и *вселяет единомысленных в дом* (Пс. 67, 7).

54. Что показывает малодушие в болезнях, и что – благодушие

Когда мы крайне тяготимся приключаящимися нам расстройствами телесного здравия, ведать должно, что душа нагая еще поработана телолюбию. Почему как вещественных вождевая услаждений, не хочет она отрешиться от житейских благ, так великою почитает тяготою – не иметь по причине болезней возможности пользоваться приятными для плотской жизни вещами. – Если же она с благодарностью переносит прискорбности из-за болезни, то это знак, что она недалеко от пределов бесстрастия. Почему с радостью ожидает она тогда и самой смерти, как виновницы вступления в истинную жизнь.

55. Что потребно, чтобы душа не услаждалась благами сего мира, а паче желала разрешиться от тела

Душа не возжелает разрешиться от тела, если не сделается совершенно равнодушною к воздуху сему (т. е. ко всему житейскому и мирскому). – Все чувства телесные сопротивляются вере, так как чувства вкушать ищут только настоящего – присущего, а вера обещает богатство благ будущих. Почему подвижающемуся никогда не подобает помышлять ни о деревьях ветвистых и тенистых, ни об источниках добротечных, ни о лугах доброцветных, ни о домах благолепных, ни о беседах с родными приятных, – равно как вспоминать и о богатых приношениях, если случалось быть ими почтенным. Но ему надлежит тем, что необходимо, пользоваться с благодарностию, жизнь же сию почитать неким странническим путем, чуждым всякого плотского утешения. Ибо только таким образом стеснив свою мысль, возможем мы обратить ее всю на стезю, ведущую в живот вечный.

56. Как немирное пользование телесными чувствами затрудняет памятование о боге и заповедях его, и как избегнуть сего зла

Что зрение, вкус и прочие чувства рассеивают память сердца, когда пользуемся ими без меры, об этом первая возвещает нам Ева. Ибо пока не взглянула она на заповеданное древо сластолюбно, дотоле тщательно помнила Заповедь Божию: чего ради как бы покрываемая крылами любви Божией, неведала она и наготы своей. Когда же воззрела на то древо сластолюбно, коснулась его с великим похотением и наконец вкусила от плода его с неудержимым вожделением; тотчас восприяла склонность к плотскому самоуслаждению и, как обнаженная сочетавшись с сею страстию, все свое вожделение предала взысканию вкушения настоящих утех, примесивши по действию видимой привлекательности плода к своему падению и падение Адама; вследствие чего уму человеческому стало затруднительно памятовать о Боге или о заповедях Его. Мы же, всегда с непрестанною памятию о Боге взирая во глубину сердца своего, будем проводить сию падкую на прелести жизнь, как слепые очами; ибо любомудрию воистину духовному свойственно сохранять непарительным присущий в нас позыв видеть *красное еже видити*. Этому и многоопытнейший Иов научает нас, говоря: *аще и в след ока моего иде сердце мое* (Иов. 31, 7). Такое действование есть верный признак крайнего воздержания.

57. Как бывает, что ходящий духом не ведает вожделений плотских, и диавол тщетно искушает его чистоту

Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей; и ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шествие свое совершает в ограждении добродетельми, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты; то все козни бесов против него остаются безуспешными, хотя иной раз стрелы сей общей всем похоти достигают даже до окон естества.

58. Об унынии, нападающем иногда по отгнании похотений плотских, – каково оно и как его прогонять

Когда душа начнет уже не похотевать красных земных вещей, тогда прокрадывается в нее большею частию некий унывный дух, который ни охотно потрудиться в служении слова не допускает ее, ни твердого желания будущих благ не оставляет в ней, еще же и эту привременную жизнь представляет крайне непотребною, как не имеющую достойных дел добродетели, и самое ведение уничижает, как дарованное и другим многим или ничего особенного нам не возвещающее. Сей теплохладной и раззняющей страсти мы избежим, если в крайне тесные вставим пределы нашу мысль, держа во внимании одну память Божию; ибо только таким образом дух, востекши в свойственное ему горение, может отгнать от себя неразумное оное разлечение.

59. Коль велика помощь в духовном подвиге от непрестанного теплого поминания имени иисусова во глубине сердца

Ум наш, когда памятию Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было дело какое-нибудь, обязательное для него, в удовлетворение его приснодвижности. Ему должно дать только священное Имя Господа Иисуса, Которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как Апостол говорит, *никтоже может реци Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). С нашей стороны требуется, чтоб сказанное речение (Господи Иисусе Христе и проч.) умом в себе утесняющимся непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтоб при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания. Которые сие святое и преславное Имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное Имя, будучи с напряженною заботливостию содержимо мыслию, очень ощутительно поалает всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш огонь поалай есть* всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своея; ибо преславное то и многовожденное Имя, укосневая чрез памятование о нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благодатьню Его беспрепятственно; потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие-то есть бисер оный многоценный, который стяжевают, предав все свое имение с неизреченною радостью об обретении Его.

60. О двоякой радости, – начальной и совершенной, и о слезах средних между ними

Иная есть радость началовводная, и иная завершительная: та не непричастна мечтаний (о себе), а эта сильна смиренномудрием; посреде же их – печаль боголюбивая и неболезненный плач. *Яко во множестве мудрости множество разума, и приложивши разум, приложит печаль* (Еккл. 1, 18). Сего ради надлежит прежде началовводною радостью призвать душу к подвигам; потом предать ее обличению и искушению истинною Духа Святого, как о прежде содеянных грехах, так и о содеваемых еще поползновениях в самозабвении. *Во обличениях бо о беззаконии наказал еси человека, и истаял еси, яко паучину душу его* (Пс. 38, 12). Чтоб после того как обличение Божие искусит ее, как в горниле, она восприняла действие немечтательной радости в теплом памятовании о Боге.

61. О забвении Бога и восстановлении памятования о Нем, о причинах первого, и средствах ко второму, и о высшем его проявлении

Когда душа возмущается гневом, или отягчается многоядением, или сильною печалию омрачается, тогда ум не может держать памятования о Боге, хотя бы и понуждаем был к тому как-нибудь. Ибо весь будучи омрачен лютою сих страстей, бывает он тогда совершенно чужд собственного чувства; почему желание не имеет где наложить свою печать, чтоб чрез то ум мог носить незабвенным и неизменным вид богомыслия, так как тогда память его огрубевает по причине суровства страстей. – Когда же она бывает свободна от таких возмущений, тогда, если иногда и успеет забвение на мгновение украсть мысль о возлюбленном Господе, ум, восприняв свою энергию и живость, тотчас опять с жаром емлется за многовожделенную оную и спасительную ловитву; ибо тогда сама благодать и сбогомысльствует душе и совзывает: Господи Иисусе Христе! Подобно тому, как мать, уча дитя свое, многократно повторяет вместе с ним имя – отец, пока не доведет его до навыка вместо всякого другого, подсильного дитяти слова, ясно произносить – отец, даже и во сне. Посему Апостол говорит, – что *Сам Дух способствует нам в немощах наших; о чесом бо помолимся, якоже подобает не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас воздыханием неизглаголанными* (Рим. 8, 26). Ибо, так как мы младенчествуем пред совершенством сей молитвенной добродетели; то всеконечно имеем нужду в Его помощи; чтоб, когда неизреченная Его сладость обымет и усладит все наши помыслы, мы всем расположением подвиглись памятовать о Боге и Отце нашем и любить Его. Почему, как тот же дивный Павел говорит, *о Нем вопием: Авва Отче* (Рим. 8, 15), когда Им благонастраиваемы бываем призывать Бога Отца.

62. О гневе, – когда и как можно допускать его

Гнев больше всех других страстей обыкновенно встревоживает и в смятение приводит душу; но есть случаи, когда он крайне для нее полезен. Так, когда несмущенно гневаемся на нечестующих, или другим каким образом бесстыдствующих, да спасутся или по крайней мере устыдятся, тогда душе нашей доставляем то же, что кротость; потому что в таком случае всячески споспешествуем целям Божией правды и благодати. Также когда поднимаются в душе женолюбивые движения, тогда, разгневавшись посильнее на этот грех, отрезвляем нередко душу и придаем ей мужескую силу противостоять ему. А что, находясь в крайнем расстройстве духа, можем мы, запретив гневно самому духу расстроителю, возвышаться

мудрованием даже над ужасами, коими хвалится подавлять нас смерть, в этом не должно сомневаться: что желая показать нам, Господь, при воскрешении Лазаря, сначала запретил в духе аду и ободрил себя и потом уже несмытенною волею, как и всегда делал все, что ни делал, возвратил телу Лазареву душу. Так что, как мне кажется, целомудрый гнев дан естеству нашему Создавшим нас Богом более как орудие правды; и если бы Ева воспользовалась им против змия, то не подпала бы пагубному действию страстного одного похотения. Почему полагаю, что пользующийся целомудро гневом по ревности к благочестию, более одобрительным окажется на весах праведного воздаяния, нежели тот, кто по неподвижности ума никогда не подвигается на гнев; так как у этого, его правитель человеческих мыслей и чувств остается необученным, а тот, на конях добродетели восседая, всегда в борьбе пребывает и носится среди полчищ бесовских, непрестанно обучая в страхе Божиим четвероконницу воздержания, которую Св. Писание назвало *колесницею Израилевою*, как находим в описании взятия на Небо божественного Илии (4 Цар. 2, 12). Иудеев первых Бог многолично обучал четырем добродетелям; почему и взят был на Небо таковой и толикий питомец мудрости (мужества, правды и воздержания),³ конями имея, как мне кажется, сии добродетели свои, когда взял его дух в веянии огня.

63. Совершенному в духовной жизни не подобает судиться

Сподобившийся святого ведения и вкусивший сладости Божией ни тягаться никогда не должен (когда кто на него жалобу подает), ни сам поднимать против кого тяжбу, хотя бы кто стянул с него одежду, в которую одет; ибо правда властей века сего ниже правды Божией, — или лучше, она ничто пред правдою Божиею; да и какое различие между чадами Божиими и людьми века сего, если не то, что правда этих последних нейдет в сравнение с правдою тех первых; почему и называется та правдою человеческою, а эта правдою Божиею. Так и Господь наш *укоряем противу не укоряше, и стражда не прецаше* (1 Пет. 2, 23); а напротив, не только снятие одежды перенес в молчании, но, что несравненно выше, молился Отцу о спасении злодейски действовавших против Него. Люди же мира не перестанут тягаться, пока с лихвою не получают искомого от тех, с коими тягаются, особенно когда ищут роста на долг: так что их правда бывает часто началом великой неправды.

64. Лучше предав терпимую неправду Суду Божию, внимать молитве и хранению сердца, чем судиться

Слышал я, как некие благочестивые говорят, что не должно всякому позволять расхищать то, что имеем для своего содержания и для упокоения бедных; чтобы, снисходя такому злу, не сделаться нам виновными во грехе обижающих нас, и особенно, когда терпим это от христиан. — Но так поступать ни что другое есть, как желать спасать больше свое, чем себя самих. Ибо если я, оставя молитву и внимание своему сердцу, начну искать суда на обидевших меня и корпеть в сенях судилищ, то явно, что для меня искомое гораздо дороже собственного моего спасения, чтоб не сказать, и самой спасительной заповеди. И как явлюсь я последователем Евангельской заповеди, повелевающей мне: *и от взымающаго твоя не истязуй* (Лк. 6, 30), если, по слову Апостольскому, не стану *с радостию принимать разграбление имений своих* (Евр. 10, 34), когда она (заповедь) и того, кто по суду обратно получает, в чем насилуван, не освобождает от греха лихоимания? Тленные (временные, или тленными о тленных вещах производимые судилища) не могут отменить нетленного Божия Суда; и виновный тем законам удовлетворять должен, которым подлежит его дело и по которым

³ Прибавка по славянск. переводу.

ему следует защищаться. Доброе убо есть дело перетерпевать насилие от хотящих онеправдовать нас, и молиться о них, чтобы ради их покаяния, а не ради возвращения ими нам того, что они у нас похитили, отпущено было им прегрешение лихоимства. Ибо правда Божия хочет, чтоб мы самого лихоимца, а не олихоимствованное им, некогда прияли свободным от греха чрез покаяние.

65. Продай все и раздай бедным; к сему паче всего располагает смирение

Очень пригодно и паче всего душеполезно, познав истинный путь благочестия, тотчас все свое распродать и раздать полученное от того нищим, по заповеди Господа, и не попускать себе под видом желания всегда иметь возможность исполнять заповедь (о помощи бедным) преслушать сие спасительное повеление (о раздании за раз всего). От сего будет у нас, во-первых, добрее беспопечение, а отсюда потом не подлежащая наветам нищета, которая сама горняя мудрствует, и другим не подает повода к неправым искам на нас, когда у нас ничего уже не будет, чем мог бы воспламеняться огонь лихоимания у лихоимцев. Согреет же нас тогда, паче всех других добродетелей, смиренномудрие и в своих недрах упокоит, как нагих; подобно тому, как мать, взяв на руки дитя свое, упокоевает и согревает его в объятиях своих, когда оно, по младенческой простоте своей, скинув одеяние свое, далеко отбрасывает его от себя, по великому незлобию своему находя более для себя приятною наготу, чем пестротную красоту одеяния своего. Ибо сказано: *храни младенцы Господь: смирихся и спас мя* (Пс. 114, 5).

66. Все раздать – путь к смирению

Господь потребует от нас отчета в милостынеподавании, *поколикую кто имеет, а не поколикую не имеет* (1 Кор. 8, 12). Посему если я, в страхе Божием с горячим благорасположением, покорствуя повелению Господа, все, что имел бы раздавать многие годы, раздам в короткое время, в чем еще буду укоряем, когда уже ничего не имею? – Но скажет кто: (если все раздадим), откуда же потом будут получать милостыню бедные, которые теперь кормятся от наших посильных подаваний? – Таковому вот какой приличен урок: не дерзай нечто укорное для Бога примышлять для прикрытия своего любоимания. Не оскудеют у Бога способы попечительно благоустроить создание свое, как делал сие от начала. И прежде, чем сей или он был возбужден к милостынеподаванию, оставались ли бедные без пищи или одежды? Будь убо уверен, что гораздо лучше тотчас по познании истины благостно иждить все на послушение бедным, отринув внушаемое пристрастием к богатству неразумное мудрование и горделивость и возненавидев свои похотения, – что и значит – возненавидеть душу свою: чтобы потом, не имея уже поводов радоваться в самовосхвалении постоянному раздаванию имений, унижали мы себя, как ничего доброго не делающие. Ибо пока изобилуем богатством, много услаждаемся раздаванием его, когда бывает на то охота, как с радостью исполняющие божественное повеление; когда же иждивем все, исполняемы бываем смиренными и сокрушенными чувствами, как ничего праведного не творящие. Вследствие сего душа в великом смирении возвращается в себя, чтобы чего не можем уже стяжевать каждодневным милостынераздаванием, того сподобляться прилежною молитвою, терпением и смиренномудрием; ибо сказано: *нищ и убог восхвалит имя Твое, Господи* (Пс. 73, 21). К тому же и дар богословствования никому не уготовляется от Бога, кроме тех, кои наперед располагают себя от всего своего отречься ради славы Евангелия Божия, чтоб в боголюбезной нищете благовествовать о богатстве Царствия Божия. Сие дает разуметь рекший: *уго-*

товал еси благостию Твоею нищему, Боже, и присовокупивший к сему: Господь даст глагол благовествующему силою многою (Пс. 77, 11, 12).

67. О даре богословствования, – сколько и какие блага от него происходят

Все дары Бога нашего добры вельми и всеблагородительны; но ни один из них так не воспламеняет и не подвигает сердца к возлюблению Его благодати, как богословствование. Ибо оно, будучи первейшим порождением благодати Божией, первейшие и дары подает душе: во-первых, оно располагает нас с радостью презирать всякие приятные утешения житейские, так как в нем мы имеем вместо преходящих утешений неизреченное богатство словес Божиих; а потом оно огненным неким изменением ума наш озаряет и чрез то делает его общником служебных духов. Достойно убо приготовившись, возлюбленные, потечем к сей добродетели, благолепной, всезрительной, всякое попечение земное посекающей, в озарении света неизреченного ума питающей словесами Божиими, и, – чтоб не говорить много, – словесную – разумную душу к нераздельному общению с Богом Словом благоустрояющей чрез свв. пророков. Да и в душах человеков, – о дивное чудо! – устроив богогласные песни, сия божественная невестоводительница поет громко величия Божии.

68. Почему ум наш не так скор на молитву, как на богословское созерцание: и сколь необходима молитва для преуспевания в таком созерцании

Ум наш большею частию мало расположен бывает к молитве по причине утеснения его и ограничения молитвенною добродетелью; в богословствование же он охотнее вдается по причине простора и неограничения божественных созерцаний. Итак, чтоб не давать ходу его свободному в себе разглагольствованию и не полагать его охоте безмерно предаваться выпрепением парениям, будем упражняться наиболее в молитве, псалмопении и чтении Писаний, не презирая притом и толкования любомудрых мужей, коих словеса преисполнены истинным ведением веры. Действуя так, мы не только не дадим ему свои речи примешивать к благодатным словесам и не попустим ему, увлекаясь тщеславием, рассеиваться в парениях под действием самодовольства и словоохотливости; но и научимся сохранять его безмечтанным во время созерцания и все почти помышления его сделаем слезоточными. Упокоеваясь в себе в часы безмолвия, наипаче же упоение сладостями молитвы, он не только делается свободным от указанных пред сим страстных движений, но и, паче обновляясь, силы воспринимлет легко и беструдно пребывать в божественных созерцаниях, преуспевая вместе с тем и в зрячем рассуждении (практической мудрости) с великим смирением. Ведать впрочем подобает, что молитва выше всякой широты созерцаний; сама же она свойственна только тем, кои во всяком чувстве и извещении преисполнены святою благодатию.

69. Благодать вначале ощутительнейше действует на душу, а потом сокращает свое действие и даже совсем сокращает. Как это благотворно для души

Благодать вначале обыкновенно озаряет душу своим светом с сильным того ощущением; а когда успехи в духовно-христианской жизни подвинутся вперед, тогда она большею частию неведомо для боголюбивой души свои совершает в ней таинства: чтобы после того

(по умиротворении души) ввести нас в радование на стезю божественных созерцаний, как будто бы мы только что призываемы были из неведения в ведение, посреди же подвигов (об умирении души от страстей) блюсти наш помысл не тщеславным. Подобаает нам в меру быть ввергаемыми в печаль, как бы мы были оставлены благодатию, да паче смиримся и научимся покорствовать Господним о нас определениям, а потом благовременно входить в радость, благою окрыляясь надеждою: ибо как безмерная печаль вводит душу в нечаяние и безнадежие, так и чрезмерная радость приводит ее к самомнению и кичению. Говорю – о младенствующих еще жизни и разумом. Между пресвещением благодати и оставлением средина – искушение; а между печалию и радостью средина – надежда. Ибо говорится: *терпя потерпех Господа и внят ми* (Пс. 39, 2), – и еще: *по множеству болезней моих, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19).

70. Коль душевредно многословие и благотворно молчание

Как двери в бане часто отворяемые скоро выпускают внутреннюю теплоту вовне: так и душа, когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорешее, испускает память свою (сознательное стояние в строе духовных вещей) словесною дверью. От сего ум лишается наконец чистейших помышлений и по беспорядочному наплыву помыслов смятенную ведет речь к прилучившимся. В таком случае он не имеет уже Духа Святого, хранящего нашу мысль в немечтании: ибо сей Дух благий, как чуждый всякого мятежа и мечтания, бегаеет многословия. – Молчание же напротив благотворно, будучи материю премудрых помышлений.

71. Как подобает боголюбивой душе управлять чувством правды

Само слово ведения научает нас, что вначале на боголюбивую душу (вступившую на путь богоугождения) многие толпою нападают страсти, особенно же гнев и ненависть. Подвергается же она сему не столько по действию злых духов, сколько по порядку преуспевания ее в духовной жизни. Ибо пока душа мирским водится мудрованием, дотоле хотя и видит правду как-нибудь попираемую иными, равнодушною к тому остается: ибо занята будучи вся своими похотениями, о правде Божией не имеет попечения. Когда же она начнет быть выше своих страстей и похотей, тогда, и по отрешению от настоящих вещей и по любви к Богу, она не может уже равнодушно видеть даже во сне правду Божию оставляемую, но гневается и возмущается на злотворцев, пока не увидит этих самых оскорбителей правды защищающими ее достоинство по действию благочестивого помысла (пришедши в страх Божий и покаявшись). Таким образом она естественно неправедных ненавидит, а праведных крепко любит; потому что око души не бывает окрадаемо (увлекаемо на неправо воззрение), когда ее завеса, – тело, – бывает утончено крайним воздержанием. Впрочем гораздо лучше оплакивать нечувствие неправедных, чем ненавидеть их: ибо хотя они и достойны ненависти, но слово истины не одобряет, чтоб боголюбивая душа была возмущаема ненавистию, потому что, когда в душе ненависть, истинное ведение бездейственно.

72. Ум – богослов и ум – знатель

Ум богословский, самыми словесами Божиими услаждаемый в душе и палимый, достигает своих мер бесстрастия в достаточной широте. Ибо *словеса Господия*, как говорится, *словеса чиста, серебро разжжено, искушено земли* (Пс. 11, 7). А ум знательный, утверждаясь на испытании благодатных воздействий, бывает выше страстей. Вкушает и богослов

опыта знательного, если смиреннейшие водворит в себе расположения, причащается и знатель в некоей мере созерцательной добродетели, если не погрешительно имеет рассудительную часть души. Ибо оба сии дарования не случается каждому стяжать в совершенстве; чтоб каждый из имеющих одно из них, дивясь тому, чем превосходит его другой, преуспевал в смиренномудрии с ревностию оправданной жизни. Почему Апостол и говорит: *овому Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о том же Дусе* (1 Кор. 12, 8).

73. О молитве гласной и в одном сердце творимой

Когда душа естественными своими изобилует плодами, тогда велегласнейше совершает и псалмопение свое, и бывает расположена молиться наипаче гласом. Когда же она воздействуема бывает Духом Святым, тогда со всею отрадою и сладостию поет и молится в одном сердце. За первым настроением следует радость мечтательная (от самодовольства); а за вторым – слеза духовная, и потом радование некое безмолве любивое: ибо память, при удержании гласа, пребывая теплою, настраивает сердце производить слезотворные некие и в себя углубляющие помышления. В этом воистину можно видеть семена молитвы, со слезами, радостно однако ж, сеемые на земле сердца в верной надежде обильной жатвы (Пс. 125, 5). Впрочем, когда бываем подавляемы большею печалию, тогда надо немного – громче совершать свое псалмопение, радостию надежды подавляя скорбные вопли души, пока это тяжелое облако печали не развеется ветром псаломской мелодии.

74. О естественном и благодатном Боголюбии

Когда душа придет в познание себя самой, тогда она и из себя самой износит теплоту некую и стыдение боголюбивое: ибо, не будучи возмущаема заботами житейскими, она любовь некую (к Богу) отраждает из себя в мире, соразмерно взыскуя Бога мира; но это памятование (о Боге взыскуемом) скоро рассеивается, или потому, что впечатления чувств окрадают сию память, или потому что естество по скудости своей скоро иждивает свое собственное добро. Почему эллинские мудрецы, чего хотели достигнуть чрез воздержание, того не имели как должно; потому что ум их не был воздействуем от вечной и всеистинной премудрости. Духом же Святым подаемая сердцу боголюбивая теплота, во-первых, мирна вся и непрестающа; потом она все части души призывает к возлюблению Бога и вовне сердца не порывается, но сама собою всего человека обвеселяет любовью некоею безмерною и радостию. Ее-то достигнуть и должны стараться те, которые познали ее. Ибо естественная любовь есть признак того, что естество некако здравствует чрез воздержание; но она не может возвести ума в бесстрастие, как делает любовь духовная (благодатная).

75. О светоносном воздействии на душу благодати, – и об омрачении ее под действием темных сил

Как окружающий нас воздух, когда дует северный ветер, бывает чист по причине тонкости некоей и освежающего действия сего ветра; а когда дует ветер южный, тогда он как бы сгущается по причине какого-то отяжеления его от сего ветра, из своих ему стран износящего и на всю вселенную наносящего некий сухой туман: так и душа, когда приемлет воздействие от веяний истинного и Святого Духа, тогда вся бывает вне бесовского омрачения; а когда сильнообвеивается духом прелести, тогда вся покрывается облаками греха. Итак, надлежит нам всегда свое стремление всеусильно обращать к очистительному и животворному веянию Духа Святого, т. е. к тому духу, которого пророк Иезекииль во свете ведения видел грядущим с Севера (1, 4): чтобы всегда чистою пребывала наипаче созерцательная часть

души нашей, и мы сподоблялись нелестно входить в божественные видения, в воздухе света зря то, что во свете. Это и есть свет истинного ведения.

76. Как действует в душе Дух истины и дух прелести прежде крещения и по крещении

Некоторые придумали, будто благодать и грех, т. е. Дух истины и дух прелести, вместе укрываются в уме крещаемых: почему, говорят, одно лицо призывает ум к добру, а другое – к противоположному тому. Я же из Божественных Писаний и из самого чувства (опытно) ума постиг, что прежде крещения благодать совне направляет душу на добро, а сатана гнездится в самых глубинах ее, покушаясь преграждать уму все правые исходы; с того же часа, как возрождаемся в крещении, бес бывает вне, а благодать внутри. Почему и находим, что как древле господствовала над душою прелесть, так по крещении господствует над нею истина. Действует после сего и сатана на душу, как и прежде, а нередко даже горше того, но не как соприсуший благодати: да не будет! а дымя как бы пред умом чрез мокротность тела, приятностию бессловесных сладостей. Бывает же сие по попущению Божию, чтоб человек достигал наслаждения добром не иначе, как проходя чрез бурю, огонь и искушение. Ибо говорится: *приидохом сквозе огонь и воду, и извел ны еси в покой* (Пс. 65, 12).

77. Образ действия благодати Божией в душе

Благодать, как я сказал, с самого того момента, как приемлем крещение, сокровенно начинает пребывать в самой глубине ума (духа), утаивая присутствие свое от самого чувства его. Когда же начнет кто любить Бога от всего произволения (сердца) своего; тогда она неизреченным неким словом беседует к душе чрез чувство ума, часть некую благ своих сообщая ей. Вследствие сего, кто восхощет навсегда крепко удержать в себе сие обретение, тот приходит к желанию отречься с великою радостью от всех настоящих благ, чтоб совсем приобрести то поле, на коем нашел он сокрытым сокровище жизни (Мф. 12, 44).

Ибо когда кто отречется от всего житейского богатства, тогда обретает в себе то место, в коем укрылась благодать Божия. За тем, по мере преуспевания души, и божественный дар (благодати) обнаруживает в уме свою благостыню (благовторность); но тогда же и бесам попускает Господь более беспокоить душу, чтобы и научить ее рассудительному различению добра и зла, и соделать смиреннейшею, по той причине, что, когда подвергается она таким искушениям, тогда великим покрывается стыдом от срамоты бесовских помыслов.

78. Чрез крещение Святой Дух вселяется в сердце, а дух злой извергается; но этим не вконец пресекаются покушения на грех

Мы по образу Божию есмы, умным (духовным) движением души; тело же как бы дом ее есть. Но так как преступлением Адамовым не только характеристические черты души осквернились, но и тело наше подпало тлению: то Всесвятой Бог Слово воплотился и, как Бог, чрез собственное Свое Крещение даровал нам воду спасения в возрождение: ибо мы возрождаемся в воде действием Святого и Животворящего Духа, вследствие чего тотчас очищаемся и по душе и по телу, если приступаем к Богу с полным расположением. При сем Дух Святой вселяется в нас, а грех (или отец греха) изгоняется Им, так как невозможно, чтобы при единстве и простоте – характеристических свойствах души, – в ней сопребывали два эти лица, как думали некие. К тому же, когда божественная благодать чрез Святое Кре-

щение сочетавает себя в безмерной некоей любви с чертами образа Божия в залог подобия, где поместиться лицу лукавого, – так как нет никакого общения света со тьмою? (2 Кор. 6, 14). Итак мы, текущие путем священных подвигов, веруем, что *банею пакибытия* (Тим. 3, 5) сквернообразный змий извергается из глубин ума; при всем том не удивимся, что и после крещения опять с добрыми помыслами испытываем и худые. Ибо баня освящения, хотя отъемлет скверну греха, но двойственности пожеланий наших не уничтожает, и бесам воевать против нас и обольстительные слова говорить к нам не возбраняет, чтоб чего не сохранили мы, в естественном оном находясь состоянии, то хранили силою Божиею, восприяв оружия правды.

79. Благодать действует чрез чувство ума, а сатана чрез плотские чувства и влечения

Сатана, как сказал я, Святым Крещением извергается из души; но ему попускается по указанным выше причинам действовать на нее чрез тело. Благодать Божия вселяется в самую глубину души, т. е. в ум. Ибо, как говорится, *вся слава дочери царицы внутрь*, невидимая для бесов (Пс. 44, 14). Почему, когда тепле воспоминаем о Боге, то чувствуем, что Божественная любовь как бы потоком исторгается из самой глубины сердца нашего; духи же злые на чувства телесные нападают и в них гнездятся, удобно действуя чрез подручную им плоть, на тех, кои младенчают еще душою. Таким образом ум наш, по божественному Апостолу, всегда соуслаждается закону Духа; чувства же плотские охотно увлекаются сластолюбивыми склонностями (Рим. 7, 18). От того в тех, кои ревностно преуспевают в ведении, благодать чрез чувства ума и самое тело обвеселяет радованием неизреченным; когда же нерадиво и беспечно течем путем благочестия, то бесы, находя нас такими, пленяют душу нашу чрез чувства телесные, насильственно влеча ее к тому, чего она не хочет, убийцы.

80. Против тех, кои говорят, что благодать и грех вместе обитают в сердце крещеных

Говорящие, что два лица, т. е. дух благодати и дух греха, вместе сопребывают в сердцах верующих, в подтверждение сего мнения своего из слов Евангелиста: *свет во тьме светится, и тьма его не объят* (Ин. 1, 5), выводят, что светлость божественная нисколько не оскверняется от сопребывания с лукавым, хотя бы свет божественный некако и приближался ко тьме бесовской. Но то же Евангельское слово обличает таковых, что они мудрствуют не согласно с Святыми Писаниями. Ибо так как Бог Слово, сей Свет истинный,

благоволив явиться твари во плоти Своей, по безмерному человеколюбию Своему возжег в нас свет святого ведения Своего, мудрование же мира не объяло т. е. не познало сего Совета Божия, поелику *мудрование плотское вражда на Бога* (Рим. 8, 7): то по сей причине Богослов и употребил такое слово; и затем, сказав еще несколько слов, наводит сей дивный муж: – *бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир*, – вместо: руководит и животворит. *В мире бе, и мир тем бысть, и мир Его не позна. Во своя прииде, и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во Имя Его* (Ин. 1, 9-12). И премудрый Павел в объяснение сего же речения: не прияша (γ κατέλαβον – не познали), говорит: *не зане уже достигох, или уже совершихся, гоню же абие и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса* (Флп. 3, 12). Итак, не о сатане говорит Евангелист, что он не познал света истинного, – потому что он от начала был чужд его, – но достойно порицает сим словом людей, которые, слыша о силах и чудесах Божиих, не хотят однако ж приступить к свету ведения Его, по причине омрачения сердца их.

81. Два рода злых духов: тончайшие, на душу воюющие, и грубейшие, на тело паче действующие

Слово ведения научает нас, что есть два рода злых духов: одни более тонки, другие более грубовещественны. Тончайшие воюют на душу, а грубейшие плоть обыкновенно пленяют посредством срамных неких сладких движений; почему всегда друг другу противятся духи, на душу нападающие, и духи, нападающие на тело, хотя к тому, чтобы вредить людям, равное имеют рвение. Когда благодать не обитает в человеке, духи злые наподобие змий гнездятся во глубине сердца, не давая душе воззреть к возжеланию добра. Когда же благодать сокровенно возобитает в уме, тогда они, как облака некие темные, промелькают по частям сердца, преобразуясь в страсти греховные и в призрачные мечтания разнообразные, чтобы через воспоминание развлекая мечтаниями ум, отторгнуть его от собеседования с благодатию. Итак, когда мы духами, на душу нападающими, к душевным разжигаемся страстям, наипаче же к самомнению и гордыне, сей матери всех зол; тогда, приводя на память разложение тела своего, устыдим это надмение славолубивого самовозношения. То же должно делать, и когда бесы, на тело воюющие, готовят сердце наше к воскипению срамными похотями: ибо это одно воспоминание сильно расстроит всякие покушения злых духов в связи с памятию Божиею. В случае же, если по поводу такого воспоминания душевные бесы начнут влагать мысль о безмерной ничтожности человеческого естества, как никакого достоинства не имеющего по причине разложения плоти (ибо так любят они действовать, когда кто начнет их самих мучить таким помышлением), – приведем на память честь и славу Небесного Царствия, не забывая при сем держать в мысли и грозность нелицемерного Суда Божия; чтобы тем младодушное нечаяние предотвратить, а этим легкому и скорому на похоти сердцу нашему придать твердости и силы к противостоянию.

82. В сердце тех, кои во благодати суть, не может быть диавол; воюет же он против них посредством тела

Господь научает нас во св. Евангелии Своем, что когда сатана, возвратясь, найдет дом свой выметенным и пустым, найдет т. е. сердце бесплодным, тогда берет других семь духов, злейших его, входит в него и гнездится там, делая последнее состояние человека того хуже первого (Лк. 11, 25). Отсюда надлежит уразуметь, что пока Дух Святой обитает в нас, дотоле сатана не может войти в глубину души и обитать там. Но и божественный Павел учит такому же пониманию сего воззрения на это дело, – когда из подвижнического (опытного) сведения увидев существо дела сего, (каково т. е. оно и как есть воистину), так говорит он: *соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижу же ин закон во уде моих, противовоюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным, сущим во уде моих* (Рим. 7, 22, 23). О преуспевших же в жизни по духу говорит далее: *ни едино убо ныне осуждение сущим во Христе Иисусе, не по плоти ходящим, но по духу. Закон бо духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть от закона греховного и смерти* (Рим. 8, 1, 2). И в другом месте опять, чтоб показать, что из тела воюет сатана на душу, соделавшуюся причастницею Святаго Духа, говорит он: *станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшися в броня правды и обувше нози во уготовление благовествования мира: над всеми же восприимши щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженных угасити: и шлем спасения восприимите, и меч духовный иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 14–17). Но иное дело есть пленение, и иное – борьба; так как то означает насильственное некое взятие в свою власть, а эта указывает на равносильное противоборство. Почему Апостол и говорит, что диавол огненными стрелами нападает на души, Христа Господа в себе носящие. Ибо и обыкновенно

так бывает, – что кто не может руками достать своего противника, тот употребляет против него стрелы, чтоб издали ведущего с ним брань врага уязвить полетом стрел, так и сатана, поелику не может, как прежде, гнездиться в уме подвижающихся по причине присутствия в нем благодати, то как гнездящийся в теле, налетает на похотную мокротность, чтоб ее влечением прельстить душу. Почему надлежит иссушать тело, чтоб ум, похотную мокротою влекомый, не поскользнулся на приманки сладострастия и не падал. Из самого речения апостольского легко убедиться, что ум подвижающихся состоит под действием Божественного Света, почему рабствует Закону Божию и соуслаждается ему; а плоть, по своей падкости на зло, злым подчиняется духам, почему влечется раболепствовать их злым внушениям. Из сего само собою видно, что ум не есть некое общее обиталище для Бога и диавола: иначе, как бы я умом моим работал Закону Божию, а плотию закону греховному, если бы ум мой со всею свободою не противоборствовал демонам, охотно покорствуя благому действию на него благодати, тогда как тело в то же время увлекается приятною вонюю бессловесных сластей по причине, как я сказал, попускания гнездиться в нем у подвижающихся злым духам? Апостол и говорит: *вем, яко не живет во мне, сиречь во плоти моей, благое* (Рим. 7, 13). Таким образом у тех, кои посредством подвигов противостоят греху (ибо Апостол говорит это не о себе), демоны с умом борются, а плоть разнеживающими приятными движениями стараются расслабить и увлечь к похотствованию; ибо им, по праведному суду, попускается укрываться во глубине тела и у тех, кои крепко подвизаются против греха, потому что произволение человеческого мудрования всегда состоит под искусом. Если же кто возможет еще в сей жизни посредством подвижнических трудов умереть, тогда он весь наконец делается домом Святого Духа; ибо таковой прежде смерти уже воскрес, – каковым был и сам блаженный Павел и каковыми были и бывают все, совершенным подвигом подвизавшиеся и подвизающиеся против греха.

83. Как и помыслы, сатаною всеваемые, почитаются исходящими из сердца

Износит сердце и само из себя помышления добрые и недобрые: впрочем, помышления недобрые произращает оно не из естества своего, но иные из них имеет оно потому, что память о недобром обратилась в ней в навык по причине прежних прельщений, большую же часть их, и притом наиболее злых, зачинает оно от злодейства демонов. Мы же все их чувствуем исходящими как бы из сердца; почему некие подумали, что в уме нашем вместе пребывают и благодать и грех, приводя в подтверждение сего и слова Господа: *а исходящее из уст из сердца исходит, и это оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния* и проч. (Мф. 15, 18, 20). Не знают же они, что ум наш по действию тончайшего некоего чувства и тех злых помыслов, кои влагаются в него злыми духами, делается собственником; так как по действию плоти тело, падкое на угождение себе, на это паче, не знаем как, увлекает душу по причине срастворения своего с нею; ибо плоть безмерно любит ласкательства прелести. По сей причине и помыслы, всеваемые в душу демонами, кажутся исходящими из сердца, усвоаем же мы их себе, когда вождеваем соуслаждаться ими: что укоряя, Господь, как само божественное являет слово, и изрек вышеприведенные глаголы. Ибо когда кто соуслаждается помыслами, лукавым сатаною в него всеваемыми, и память о них как бы напишет в своем сердце, не явно ли, что потом он из собственной своей произращает их мысли?

84. Пример из Писания в объяснении, что благодать и диавол не могут вместе пребывать в сердце

Господь говорит в Евангелии, что сильный не может быть извергнут из дома своего, если сильнейший его не свяжет его, не расхитит всего, что у него, и не выбросит его вон (Мф. 12, 29). Как же может, после такого посрамления, этот изверженный опять войти внутрь и пребывать там вместе с истинным домовладыкою, в своем доме упокоевающимся, как ему благоугодно? И какой царь, победив восставшего против него тирана, захочет, чтоб он вместе с ним вращался в его царских покоях? Не паче ли тотчас заколет его, или связав, предаст своим воинам на должайшее мучение и жалчайшую смерть?

85. Доказательство того же из опытов духовной жизни, или того, как благодать и грех действуют в преуспевающем

Если кто на том основании, что мы совместно помышляем и о худом и о добром, заключает что Дух Святой и диавол вместе обитают в уме, да ведает таковой, что сие случается с нами от того, что мы не вкусили еще и не увидели, *яко благ Господь* (Пс. 33, 9). Ибо на первых порах, как я и выше уж говорил, благодать сокрывает свое присутствие у крещаемых, ожидая произволения души; когда же всецело обратится человек к Богу, тогда она неизреченным неким чувством открывает сердцу свое присутствие; и опять ожидает движения души, попуская между тем бесовским стрелам достигать до самой глубины ее чувства, чтоб она с теплейшим произволением и смиреннейшим расположением взыскала Бога. Если вследствие сего начнет наконец человек с твердою решимостию подвигаться вперед в соблюдении заповедей и непрестанно призывать Господа Иисуса; тогда огонь святой благодати простирается и на внешние чувства сердца, ощутительно поедая терния человеческой земли; от чего и бесовские советы и внушения далеко негде останавливаются от того места (где сердце с благодатию), лишь слегка затрогивая страстную часть души. Когда же человек подвигами во все облечется добродетели, и особенно в совершенную нестяжательность, тогда благодать все естество его озаряет в глубочайшем некоем чувстве, возгревая в нем теплейшую любовь к Богу; тогда и стрелы бесовские угасают еще вне телесного чувства, так как веяние Духа Святого сердце пополняет глубоким миром, огненные же стрелы бесовские погашает, еще когда они несутся по воздуху. Впрочем, и в сию меру достигшего попускает иногда Бог подвергаться злему действию бесов, оставляя тогда ум его неосвещенным, чтоб самовластие наше не было совершенно связано узами благодати, не только того ради, что грех должен быть побежден подвигами, но и того, что человеку еще и еще надлежит преуспевать в духовной опытности: ибо что почитается совершенным в обучаемом, то несовершенно в сравнении с богатством обучающего Бога в ревнующей о преуспении любви, хотя бы кто, трудясь над сим преуспеянием, возшел на самый верх показанной Иакову лестницы.

86. Попущение Божие обучительное, и божие отвращение наказательное

Сам Господь говорит, *что сатана спал с неба* (Лк. 10, 18), чтоб не видел безобразный сей обиталищ святых Ангелов: как же он, неудостоиваемый общения с добрыми рабами Божиими, может иметь общим с Богом обиталищем ум человеческий? Если и скажут, что это бывает по попущению; то этим не представят ничего доказательного. Ибо попущение обучительное никак не лишает душу Божественного Света, бывает же при сем только то, что

благодать, как я уже говорил, скрывает от ума свое присутствие, чтобы горечию бесовскою подвигнуть душу со всем страхом и великим смирением взыскать помощи от Бога, испытывая в себе злое действие врага. Так мать дитя свое, бесчинствующее по нехотению подчиняться уставам млекопитания, на краткое время спускает из объятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его безобразных чужих людей или зверей каких-либо, в страхе великом и слезах в матерние опять потянулось возвратиться объятия. По отвращению же Божию бывающее попущение душу, не хотящую иметь Бога в себе, предает бесам как бы связанною. Но мы – не подметные чада, но как веруем, есмы истинные детища Божией благодати, редкими попущениями и частыми утешениями ею млекопитаемые, да под действием таковой ее к нам благостыни доспеем прийти *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

87. О действиях на душу попущения Божия обучительного и оставления Божия наказательного; и о том, как надо действовать при том и другом

Попущение обучительное сначала поражает душу великою скорбью, чувством унижения и некоторою мерою безнадёжия,

чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою и привести ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердце умиленный страх Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшего молчания. А оставление, по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надмением и гневом. Надлежит убо нам, зная то и другое попущение и оставление, во время их приступать к Богу сообразно со свойствами каждого из них: там благодарение и обеты должны мы приносить Ему, яко милостиво наказующему необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худого; а здесь непрестанное исповедание грехов, непрерывные слезы и большее уединение, да, хотя таким приложением трудов, возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать впрочем должно, что когда при обучительном попущении бывает у души с сатаною борьба в схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помощью содействует душе, чтоб показать врагам ее, что победа над ними есть дело одной души.

88. Примером объясняется, от чего помышляют доброе и худое при благодати. и кто сподобляется помышлять об одном духовном

Как, когда кто в зимнюю пору, стоя на открытом где-нибудь месте, обратится лицом к востоку в начале дня, передние его части все обогрываются солнцем, а задние части его все остаются непричастными солнечной теплоты, потому что солнце тогда бывает не над головою его: так бывает и с теми, кои находятся еще в начале духовной деятельности, именно: сердце их отчасти согревается иногда святою благодатию, почему ум их начинает тогда плодотворно приносить духовные мудрования; но внешние части сердца их все еще остаются мудрствующими по плоти, потому что не все еще части сердца в глубоком чувстве озаряются святым светом благодати, – (чего некие не понимая, придумали, будто в уме подвижающихся находятся два лица, взаимно друг другу противоборствующие). Вот от чего и случается, что душа в одно и то же время помышляет и доброе и худое, подобно тому как в предложенном выше примере, человек в одно и то же мгновение ощущает прикосновение и холода и теплоты. Ибо ум наш с тех пор, как соскользнул в двойственность ведения, нужднее некое имеет,

хотя бы и не хотел, в одно и то же мгновение помышлять худое и доброе, особенно у тех, кои достигают тонкости рассуждения. Почему как ни старается он всегда помышлять доброе, тотчас припоминается ему и худое, потому что память человеческая от преступления Адамова некако разделилась на двоякое помышление. Но если мы с горячею ревностию начнем исполнять Заповеди Божии, тогда благодать, освещая все наши чувства в глубоком некоем ощущении, будет попалять все наши греховные воспоминания, сердце же наше услаждая неким миром любви непрестающей, будет приучать нас к тому, чтоб помышлять духовное, а не плотское. Сие очень часто случается с приближающимися к совершенству, кои непрестанную имеют в сердце своем память о Господе.

89. Чрез крещение благодать восстанавливает образ Божий, подобие же божие она потом живописует вместе с трудами человека в стяжании добродетелей, верх коих любовь – высшая черта богоподобия

Два блага подает нам святая благодать чрез возрождающее нас крещение, из которых одно безмерно превосходит другое. Но одно подает оно тотчас; именно, – в самой воде обновляет, и все черты души, составляющие образ Божий, просветляет, смывая с нас всякую скверну греховную; а другое ожидает произвести в нас вместе с нами: это то, что составляет подобие Божие. – Итак, когда ум начнет с великим чувством вкушать блага Всесвятого Духа, тогда ведать мы должны, что благодать начинает как бы живописать на чертах образа Божия черты богоподобия. Ибо как живописцы сначала одною какою краскою начерчивают образ человека, а потом мало-помалу краску за краскою накладая, представляют образ того, кого живописуют, сходный с ним даже до волос: так и святая благодать Божия сначала чрез крещение восстанавливает в человеке черты образа Божия, поставляя его в то состояние, в коем он был, когда был создан; а когда увидит, что мы всем произволением вожделеваем красоты подобия Божия и стоим нагие и небоязненные в ее детелище (мастерской), тогда добродетель за добродетелию расцвечивая в душе и от славы в славу лик ее возводя, придает ей черты подобия Божия: причем чувство показывает, как отображаются в нас черты богоподобия, совершенство же богоподобия узнаем из просвещения благодатного. Ум, преуспевая в некоей мерности и неизреченной гармонии, чувством восприимлет все добродетели; но любви духовной никто не может стяжать, если не просветится Святым Духом во всей полноте ощутительно. Ибо если ум не примет от Божественного Света совершенного богоподобия; то хотя он все другие добродетели возыметь может, но совершенной любви остается еще непричастным; потому что только тогда, как человек совершенно уподобится Божией добродетели (говорю о востребованном для человека подобии Богу), носит он и подобие Божественной любви. Как когда пишут с кого портрет, самая приятная из красок краска и самонужнейшая из черт черта, будучи приложены к нарисованному лику, делают его даже до улыбки совершенно похожим на того, кого живописуют: так и когда божественная благодать живописует в ком богоподобие, светлая черта любви будучи приложена, показывает, что черты образа Божия всецело возведены в благолепие богоподобия. И бесстрастия (очищения и свободы от страстей) никакая добродетель не может доставить душе, кроме единой любви: ибо *исполнение закона любовь* (Рим. 13, 10): так что хотя внутренний наш человек каждодневно обновляется вкушением любви, в полноту же возраста приходит только вместе с полным совершенством любви.

90. Сначала дается вполне вкусить утешения благодатные, а потом они скрываются; первое, чтоб поддерживать ревность к подвигам, а второе, чтобы подвизающийся смирялся. Полное проявление благодати в любви... и как это бывает

Дух Святой в самом начале преуспеяния, если горячо возлюбит добродетель Божию, дает душе полным чувством и удостоверительно вкусить сладости Божией, чтобы ум точно и определительно познал, сколь велик плод боголюбивых трудов; но потом надолго скрывает богатство сего животворного дара, чтобы мы, хотя во всех преуспеем добродетелях, думали о себе, что мы ничто, потому что не видим в себе, чтоб святая любовь обратилась у нас в постоянный нрав. Ибо в ту пору бывает, что бес нелюбия иногда с такою силою налегает на души подвизающихся, что они неприязненно относятся даже к тем, кои любят их, и даже во время приветствия и целования держат это тлетворное действие неприязни. От сего душа сильно скорбит и болезнует, что тогда как в памяти носит любовь духовную (сознает обязательство любви), не может возыметь ее в чувстве по причине, как ей кажется, недостаточности совершеннейших трудов. Почему необходимо нам пока нуждением насильственным заставлять себя совершать дела любви, чтобы таким образом достигнуть вкушения ее и полным чувством с удостоверительным удовлетворением; в совершенстве же никто из сущих во плоти сей не может стяжать ее, кроме тех святых, кои дошли до мученичества и совершенного исповедания, – чего достигший совершенно изменяется и даже к пище неохотно приступает; ибо у питаемого божественною любовию какое еще может быть похотение благ мира сего? Сего ради премудрый Павел, сие великое вместилище ведения, благовествуя нам о будущих утешениях праведных, по собственному в том удостоверению, говорит: *несть Царствие Небесное брашно и питие, но правда, мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17), кои суть плод совершенной любви. Таким образом часто здесь вкушать действие любви могут преуспевающие в духовной жизни, в полном же совершенстве стяжать ее никто не может, если у него наперед не будет совершенно *пожертво мертвенное животою* (2 Кор. 5, 4).

91. О действе благодатной любви к богу

Поведал мне некто из ненасытимо любящих Бога: когда я возжелал ощутительно изведать любовь Божию, даровал мне это в полном чувстве и удовлетворительности благий Господь; и я в такой силе чувствовал действие сие, что душа моя тогда желала с неизреченною некою радостью и стремительностию изыти из тела и отыдти ко Господу и совсем забыть чин сей привременной жизни. И всякий, испытавший действие такой любви, хотя бы тысячи обид и лишений потерпел от кого, не гневается на него, но остается душевно прилепленным к оскорбляющему и обижающему его; возгорается же он ревностию только против тех, кои на бедных нападают или *на Бога глаголют неправду*, как говорит Писание (Пс. 73, 6), или иначе как живут недобре. Ибо любящий Бога много паче себя или совсем не любящий себя, а одного только Бога, уже не заступается за свою честь, а одного того хочет, чтоб почитаема была правда Почтившего его честию вечною. И этого желает он не легким каким и скоропреходящим желанием, но имеет такое расположение в качестве неизменного нрава по причине полного вкушения любви к Богу. К тому же ведать надлежит, что Богом возбуждаемый к такой любви бывает выше самой веры во время такого действия в нем любви, как уже в чувстве сердца полною любовию держащий Чтимого верою. Это ясно указывает нам св. Павел, когда говорит: *ныне пребывают вера, надежда, любви, три сия: большие же сих любви* (1 Кор.

13, 13). Ибо кто держит, как я сказал, Бога в богатстве любви, тот в то время бывает гораздо больше своей веры, как сущий весь в любви.

92. Сколь необходимо для успеха в богословствовании восстанавливать нарушающийся с другими мир

Действо святого ведения, по свойству своему, немало скорбеть заставляет нас, когда, по некоему раздражению досадив кому-либо, соделоваем его врагом себе. За это оно никогда не перестает уязвлять совесть нашу, пока посредством объяснений и извинений не успеем возвести оскорбленного в прежнее к нам благорасположение. С особенною же силою такое сокрушение проявляется, когда кто из людей мира сего прогневается на нас, хотя бы то и несправедливо. Это крайне тяготит нас и озабочивает, так как всяко мы послужили ему в соблазн и преткновение. От сего и ум наш тогда оказывается неспособным к богословствованию; потому что ведение, по существу своему сущи всецело любовию, не попускает мысли нашей расширяться в порождении божественных созерцаний, если наперед не восприимем опять в любовь и несправедливо гневающегося на нас. В случае, если тот не хочет этого, или удалился от наших мест, надлежит нам, прирав начертание лица его в свое благорасположение с несдерживаемым излиянием души, так во глубине сердца исполнить закон любви. Ибо тем, которые желают иметь ведение о Боге, должно и лица неправо гневающихся представлять в уме с безгневным помыслом. Когда же это будет, тогда ум не только в области богословия станет непогрешительно вращаться, но и в деле любви с полным дерзновением возвысится, как бы восходя со второй степени на первую.

93. Путь добродетели сначала бывает труден и горек, а потом удобным и приятным делается

Путь добродетели для начинающих любить благочестие кажется жестоким и страшным, не потому чтоб он был сам по себе таков, но потому что человеческое естество с самого исхода из чрева матерня привыкает жить пространно в удовольствиях; а для тех, которые успели пройти уже до середины его, он является весь благим и отрадным: ибо когда недобрые стремления наши бывают подавлены добрыми навыками, тогда вместе с сим исчезает и самая память о бессловесных удовольствиях; вследствие чего душа уже со всем удовольствием шествует по всем стезям добродетелей. Посему Господь, выводя нас на путь спасения, говорит, что тесен и прискорбен путь, вводящий в живот, и мало тех, кои идут им (Мф. 7, 14); к тем же, кои со всем рвением желают приступить к хранению святых Его заповедей, говорит Он: *уго Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30). Предлежит убо нам в начале подвига нашего насилуемою некоею волею исполнять святые Заповеди Божии, чтоб благий Господь, увидев доброе намерение наше и труд, даровал нам готовность и вольную волю с удовольствием прочее покорствовать преславному Его волениям: от *Господа бо уготовляется хотение* (Притч. 8, 35). После чего начнем уже мы с великою радостью совершать непрестанно благое; и тогда воистину восчувствуем, что *Бог есть действующий в нас и еже хотети, и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 13).

94. Внешние и внутренние искушения делают подвижающихся способными отпечатлеть в себе божеские красоты

Как неразогретый и неумягченный воск не может добре отпечатлеть налагаемую на него печать: так и человек, если не будет искушен трудами и немощами, не может вместить печати добродетели Божией. Посему Господь говорит божественному Павлу: *довлеет ти благодать Моя; сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Сам же Апостол так хвалится, говоря: *сладце убо похваляю паче в немощех моих, да вселится в мя сила Христова* (там же). Так же и в Притчах написано: *егоже любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, егоже приемлет* (Притч. 3, 12). Апостол немощами называет восстания врагов Креста, которые часто тогда случались и с ним и со всеми святыми, чтоб не превозносились, как говорит он, преизбытком откровений (2 Кор. 12, 7); но паче пребывали чрез смирение в образе совершенства, преподобно сохраняя божественный дар чрез частые унижения. Мы же немощами называем лукавые помыслы и телесные стропотности. Ибо тогда тела святых, подвижавшихся против греха, будучи предаваемы смертоносным уязвлениям и разным другим прискорбностям, были много выше страстей, чрез грех прившедших в естество человеческое; ныне же, когда о Господе множится мир церквей, необходимо тело подвижников благочестия искушать частыми стропотностями, а душу лукавыми помыслами, особенно тех из них, у коих ведение сильнодейственно со всяким чувством и удостоверением, чтоб они и тщеславию с высокоумием не подпали, и могли, ради великого смирения, вместить, как я сказал, в сердцах своих печать божественной красоты, по слову святого пророка: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7). Подобаеет убо с благодарением претерпевать таковой о нас совет Господень; и тогда как болезни, так и борьба с демонскими помыслами вменится нам во второе мученичество. Ибо говоривший в те времена устами беззаконных начальников святым мученикам: *отрекитесь Христа и возлюбите славу века сего*, то же и ныне сам говорит рабам Божиим; мучивший тогда тела праведных и крайне поносивший честных учителей чрез служивших диавольским оным мудрованиям, он же и ныне наводит разные страдания на исповедников благочестия с великими поношениями и унижениями, особенно когда они славы ради Господа с великою силою помогают угнетаемым бедным. Сего ради надлежит нам со всем опасством и терпением созидать в себе такое свидетельство совести пред лицом Бога: *терпя потерпех Господа, и внят ми* (Пс. 39, 2).

95. О двояком смирении, – смирении средних и смирении совершенных

Не легко приобретаемое дело есть смирение: ибо чем выше оно, тем больших трудов требует стяжание его. Приходит же оно к причастникам святого ведения двумя способами: когда подвижник благочестия находится в середине духовного преуспевания, тогда смиреннейшее о себе мудрование держится у него или ради немощи телесной, или ради неприятностей со стороны враждующих на ревнителей о праведной жизни, или ради лукавых помыслов; когда же ум в полном чувстве, и удостоверительно озарится святою благодатию, тогда душа начинает иметь смиренномудрие как бы естественным своим расположением. Ибо, будучи напаяема и насыщаема божественною благодатию по благости Божией, не может уже она надыматься и напыщаться славолубием, хотя бы непрестанно исполняла Заповеди Божии, но почитает себя ничтожнейшею паче всех, в чувстве общения божественной благодати, (т. е. что она такова по милости Божией). То смиренномудрие сопровождается боль-

шею частию печалию и упадком духа, а это радостию со стыдением всемудрым; то, как я сказал, приходит к тем, кои находятся посредине подвигов, а это ниспосылается приближающимся уже к совершенству. Почему то нередко от житейских благопоспешений некако подавляется, а это, хотя бы кто предложил ему все царства мира, не колеблется и самых страшных стрел греха не только не боится, но даже и совсем не чувствует; потому что будучи вседуховно, не имеет уже оно чувства для внешней славы. Доходит однако ж до сего последнего подвижник не иначе, как прошедши чрез то первое всяким образом: ибо благодать не даст нам богатства второго, если наперед не умягчит произволения нашего испытаниями, чрез обучающее поущение приражения страстей, в период первого.

96. О хранении себя от пустых худых помыслов и речей

Любители удовольствий настоящего века от помыслов переходят к падениям. Носимы будучи безрассудным парением, они все почти свои страстные замыслы с вожделением выражают или в словах неподобных, или в делах беззаконных. А решающиеся исправно вести подвижническую жизнь от падений переходят к злым помыслам, или к злым и вредоносным речам (от худых дел отстали, но еще остаются в области помыслов и речей недобрых). И бесы, если увидят таковых или вдающимися в пересуды и поношения, или ведущими пустые и неуместные беседы, или смеющимися, как недолжно, или гневающимися безмерно, или вожделевающими тщетной и пустой славы, тотчас толпою нападают на них. Взяв в повод к своему злодейству тщеславие, и чрез него, как чрез дверь какую темную, вскочив, они расхищают души их. Подобаает убо тем, кои предают себя стяжанию добродетелей, ни славы не желать, ни собеседования со многими не искать, ни частыми выходами и прогулками не пользоваться, ни поносить кого-либо, хотя бы кто и достоин был поношения, ни многословить, хотя бы могли говорить одно хорошее; ибо многословие безмерно рассеивает ум и не только к духовному деланию делает его неспособным, но и предает в руки беса уныния, который, мало-помалу расслабив его, передает потом его бесу безмерной печали, а наконец и бесу гнева. Почему должно всегда упражнять ум в соблюдении святых заповедей и в глубоком памятовании славы Господа. Ибо храняй заповеди, говорит Писание, *не увестъ глагола лукава* (Еккл. 8, 5) т. е. не уклонится к непотребным помыслам или словам.

97. Непрестанная память о Господе и молитва непрестающая с блюдением ума – единое средство к очищению сердца

Когда сердце с жгучею некоею болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, – это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ее. Ибо если она не потерпит великих болей от бесстыдства греха, то не возможет потом богато порадоваться и о благотворности правды. После сего желающий очистить сердце свое да разогревает его непрестанно памятию о Господе Иисусе, имея это одно предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко негде от молитвенных домов. Ибо как взявшийся очистить золото, если хоть на короткое время оставит горнило без огня, делает, что очищаемая руда опять ожестевает: так и тот, кто иногда памятует о Боге, а иногда нет, что, кажется, приобретает молитвою, то теряет пресечением ее. Но мужу, любителю добродетели, свойственно всегдашнюю памятию о Боге потреблять земляность сердца, чтоб таким образом при постепенном испарении худа под

действием огня благого памятования, душа с полною славою совершенно востекла к естественной своей светлостарности.

98. В чем состоит бесстрастие, или чистота сердца?

Бесстрастие есть не то, чтоб не быть бориму от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам, по Апостолу, *изыти из мира* (1 Кор. 5, 10); но то, чтоб когда они борют нас, пребывать не боримыми; подобно тому, как в латы облеченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самые стрелы, на них испускаемые, неузвляемы однако ж бывают ими по причине твердости воинской одежды своей. Но эти железом будучи ограждены, не подвергаются узвлению во время брани; мы же, посредством делания добрых дел – облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения, будем рассеивать темные демонские фаланги: ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать более зла, но паче то, чтоб всеусильною ревностию о добре вконец потребить в себе злое.

99. О двух бесах, долже всех борющихся – бесе чрезмерной ревности и похоти плотской. и как бороться против них

Когда человек Божий все почти победит в себе страсти, два беса остаются еще ратующими против него, из коих один душу томит, возбуждая его по великому боголюбию к непомерной ревности, так что он не хочет допустить, чтоб другой кто угодил Богу паче него, а другой – тело, возбуждая его огненным неким движением к похотению плотскому. Бывает же сие с телом во-первых потому, что такая сласть похотная свойственна естеству нашему, как вложенная в него чадородия ради, почему она и неудобь побеждаема; а потом и по попущению Божию. Ибо когда Господь увидит кого из подвижников слишком высоко восходящим в преумножении добродетелей; тогда попускает ему иной раз быть возмущаему сим скверным бесом, чтоб он почитал себя худейшим всех живых людей. Такое нападение страсти сей иногда бывает после совершения добрых дел, а иногда прежде того, чтоб движение сей страсти, предшествует ли оно делам или последует, заставляло душу казаться пред собою непотребнейшею, как бы ни были велики совершенные его дела. – Но против первого (беса, чрезмерную ревность возбуждающего) будем бороться усугублением смирения и любви, а против второго (беса похоти плотской) – воздержанием, безгневием и углубленною памятию о смерти, чтоб чрез это, чувствуя в себе непрестанно действо Святого Духа, соделаться нам в Господе высшими и этих страстей.

100. Должно исповедать Богу и все невольные и неведомые грехи: иначе в час смерти тяжело будет

Те из нас, которые соделались причастниками святого ведения, всеконечно должны будем отдать отчет и в невольных парениях ума, как говорит Иов: *назnamenовал же еси, аще что неволею преступих* (Иов. 14, 17), – и праведно. Ибо если кто будет всегда занят памятованием о Боге и не будет небреж о святых Его заповедях, тот ни в невольный, ни в вольный грех не впадет. Надлежит убо нам тотчас и о невольных падениях сокрушенное исповедание приносить Владыке, прилагая его к совершению обычного нашего молитвенного правила. Так как человеку нельзя не падать в человеческие погрешения, (то и следует всегда исповедание о них приносить Владыке), пока совесть в слезах любви не удостоверится в прощении их: ибо, как говорит св. Иоанн: *аще исповедуем грехи наши, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наши, и очистит нас от всякой неправды* (1 Ин. 1, 9). Почему надобно

непрестанно внимать чувству сокрушенного исповедания (питать сие чувство), чтоб совесть наша как-нибудь не обманула себя, подумав, что уже довольно сокрушалась и исповедовалась Богу. Ибо Суд Божий гораздо строже суда нашей совести, хотя бы кто и ничего не знал за собою худого с полным удостоверением, как учит премудрый наш Павел, говоря: *но ни сам себе востязую: ничто же бо в себе свем, но ни о сем оправдаюся: востязуяй же мя, Господь есть* (1 Кор. 4, 3. 4). Если же мы не будем достолично и об этих (невольных и неведомых) грехах исповедоваться, то во время исхода нашего страх некий неопределенный найдем в себе. А нам, любящим Господа, надлежит желать и молиться, чтоб в то время оказаться непричастными никакому страху: ибо кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что эту боязливость души они считают за признак соучастия ее в их зле, как это в них самих есть. Обрадованная же любовью Божиею душа в час разрешения от тела с Ангелами мира несется выше всех темных полчищ, потому что такая душа некако окрылена бывает духовною любовью, имея в сей любви полное без всякого недостатка исполнение закона. Почему исходящие из сей жизни с таким дерзновением и во второе пришествие Господне восхищены будут со всеми святыми. Те же, которые во время смерти хотя мало поражаемы бывают страхом, будут оставлены тогда в толпе всех других людей, как состоящие под судом, чтоб, испытаны быв огнем суда, должный им по делам их удел получили они от благого Бога нашего и Царя Иисуса Христа. Ибо Он есть Бог правды, и Его есть на нас любящих Его богатство благ Царствия Его, в век и во все веки веков. Аминь.

Св. Максима истолкование, по вопросу неких, следующих слов настоящей сотой главы: «чтоб испытаны быв огнем суда...» и проч.

«Стяжавшие совершенную любовь к Богу и крылья души чрез добродетели соделавшие легко парительными, восхищаемы бывают, по Апостолу, на облаках и на суд не приходят; не достигшие же такого совершенства и при делах добрых не чуждые и грехов, – эти приходят в судилище суда, и там чрез исследование их добрых и худых дел как бы огнем испытуются; если чаша добрых дел перетянет, они избавляются от наказания».

Преподобный отец наш Иоанн Карпафский

Краткое сведение о св. Иоанне Карпафском

О св. отце нашем Иоанне Карпафском, кто он был, в какое время процветал, где совершал течение подвижничества, и все прочее, касающееся его, ничего не известно. Вот только что свидетельствует о нем блаженный Фотий, в 201-м чтении: «Прочитал книгу, в коей, после десяти определений главных добродетелей и ста глав Диадокха, епископа Фотики, что в Эпире, и нескольких писаний Нила Преподобного содержится и писание Иоанна Карпафского, которому он дает такое оглавление: утешительное слово к монахам, обратившимся к нему за утешением из Индии. И это слово состоит также из ста глав». – Судя по сему сопоставлению св. Иоанна с Диадокхом и Нилом, можно заключить, что он почитался современником их и жил в пятом веке. Карпаф – большой остров между Родосом и Критом. Св. Иоанн был или родом оттуда, или там подвизался. – Сим словом св. отец отечески намащает читающих мужеством к перенесению скорбей и претерпению находящих искушений.

Преподобного отца нашего Иоанна Карпафского к монахам, находившимся в индии, писавшим к нему, сто увещательных глав

Земным царям весенние цветы преподнося, некие из просителей не только не бывали отвергаемы, но иной раз сподоблялись и особенных даров. Так и я, по вашему желанию, заимствованную негде сотницу благих словес принося вам, жительство на Небесах имущим, да буду благосклонно принят и дара молитв от вас да сподоблюсь.

1) Поколику присносущен есть Царь всяческих, не имея ни начала ни конца Царствию Своему: потолику сердечнейшему подобает быть тщанию у тех, кои положили поработать ради Него и ради добродетелей, – благоугодных Ему. Ибо почести настоящей жизни, как ни будь они блестящи, пресекаются вместе с настоящею жизнью, те же, какие Бог разделяет достойным, пребывают вовеки, так как даются вместе с бессмертием.

2) Блаженный Давид, песнь творя Богу от лица всей твари, помянув Ангелов и все Небесныя Силы, снизошел даже и до земли и не пропустил ни зверей, ни скотов, ни пернатых, ни пресмыкающихся, почитая такую песнь от лица их поклонением Сотворшему их, и как бы желая, чтобы всякая тварь имела в сем подобающий ей вклад. Как же монаху, сравниваемому с золотом Сапфирским, можно позволить себе ослабеть когда-либо в псалмопении или полениться на него.

3) Как огонь обнимал купину, но не опалял, так и жар тела не беспокоит и не сквернит ни плоти ни ума в тех, кои получили дар бесстрастия, хотя бы они носили тело очень тяжелое и горячее: *ибо глас Господень пресекает пламень* (Пс. 28, 7) естества, и хотение Божие и слово Его разделяют соединенное по естеству.

4) Луна, то увеличиваясь, то умаляясь, изображает состояние человека, то добре действующего, то грешащего, и опять чрез покаяние вступающего на путь добродетели. Ум у согрешившего не погиб, – как некие из вас думают, так же как и у луны не тело умалилось, а свет. Так чрез покаяние человек опять возвращает себе свойственную ему светлость, как и луна, после умаления, опять облекается обычным светом. *Веруй во Христа аще и умрет, оживет* (Ин. 11, 25). *Известе, яко Аз Господь: глаголах и сотворю* (Иез. 37, 14).

5) Когда восстанет на тебя мысленно рой вражеских воображений, и ты, подавшись им, побежден будешь, ведай, что ты на время отделился от божественной благодати; почему по праведному суду и предан в руки падения своего. Подвизайся же, чтоб благодать никогда, даже на мгновение времени, не оставляла тебя за нерадение твое. Когда же, став выше поскользновения, можешь ты прейти стену страстных помыслов и друг за другом толпящихся скверных прилогов вражеской злокозненности, не окажись неблагодарен, не признав в сем дара, свыше тебе данного; но исповедуй с Апостолом, говоря: *не аз, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15, 10), соделала во мне сию победу, поставила меня выше восставших на меня нечистых помышлений, и *от мужа неправедного*, т. е. от диавола и от ветхого человека *избавила меня* (Пс. 17, 49). Почему крылами Духа поднятый горе, и отрешившись как бы от тела, силен я был парить выше охотящихся за мною бесов, обычно уловляющих ум человеческий сетью сластолюбия, избавление от которого вымоливший себе, взывает: изведший меня из земли Египетской, т. е. из душегубительного мира, Сей, рукою тайною ратуя за меня, поразил Амалика и обнадежил меня, что и прочие непотребных страстей народы истребит Господь от лица нашего (Исх. 17, 14–16). Сей Бог наш даст премудрость и силу: ибо некие премудрость получили, но не и силу Духа на побеждение врагов. Сей вознесет главу твою над врагами твоими, и даст тебе *крыле, яко голубине*, и полетишь и почиешь у Бога (Пс. 54, 7). Положит Господь *лук медян мышцы твои*, показывая тебя твер-

дым, скорым и сильным противостоять со-противоборцу, и под ноги твои повергая всех восставших на тебя (Пс. 17, 35–40). Воздай убо благодарение Господу за сохранение чистоты твоей, что не затворил Он тебя в руках похотей плоти твоей и крови и действующих чрез них нечистых и тлетворных духов, но как стеною, оградил тебя десницею Своею. Созиджи Ему алтарь, как Моисей по обращении в бегство Амалика (Исх. 17, 15), и воспой Ему: *сего ради исповемся Тебе* и восхваляю Тя, Господи, *и имени Твоему пою, величая силы Твои* (Пс. 17, 50), что избавил Ты от тли живот мой и похитил меня из сетей и уловлений удобообстоятельной, многообразной и многоискусной злобы.

6) Возжигают в нас нечистые страсти, обновляют их, возвышают и размножают злые бесы; а размышления о божественном слове, особенно с изливанием слез бывающие, умерщвляют их и истребляют, хотя бы они были закоренелы, и мало-помалу как бы несущими делают пагубные греховные действия, душевные и телесные: только не поленимся молитвою и упованием, неослабными и бесстыдными, присесть Господу.

7) Для чего Христос из уст младенчествуящих злобою верных совершает хвалу? Конечно для того, чтоб псалмопением сокрушить врага и мстителя, тиранствующего без меры, – врага добродетелей, мстителя злобного, дьявола. Ибо, говорится, *множеством славы Твоя стерл еси сопротивных* (Исх. 15, 7) и супостатов, ратующих против нас.

8) Всякий от плодов своего пути вкушает, – одну половину ныне, а другую в будущем веке.

9) Монах должен держаться всегда добрейшего пощения, не прельщаться страстями и великое возделывать безмолвие.

10) Ненавистники душ наших, бесы, внушают неким воздать нам какую-либо ничтожную похвалу, а потом и нас подушают порадоваться о том. Если после сего расслабев от самомнения, дадим место и тщеславию, то врагам нашим не много уже будет труда совсем забрать нас в плен.

11) Принимай лучше поносящего тебя, чем хвалящего, который, по Писанию, ничем не разнится от кленущего (Притч. 27, 14).

12) Когда, ревностно проходя подвиг пощения, по немощи послабишь себя в нем; тогда, сокрушив сердце, обратись с благодарением к Промыслителю и Судии всех. Если так будешь всегда смиренным являть себя пред Господом, то никогда ни пред одним человеком не вознесешься.

13) Враг, зная, что молитва есть самое победоносное для нас оружие и для него сокрушительное, и стараясь всячески отторгнуть нас от нее, влагает в нас иногда желание заняться эллинскими писаниями, от которых мы отстали. Но не будем слушаться его внушений; чтоб не уклониться от законов и порядков нашего делания духовного и не собрать, вместо смоков и гроздий виноградных, терний и волчцев. *Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 19).

14) *Радость велию*, говорит Ангел, *благовествую вам, яже будет всем людям* (Лк. 2, 10), а не части некоей. И еще: *вся земля да поклонится тебе и поет тебе* (Пс. 65, 4), а не часть земли. Петь же свойственно не слезно молящимся получить что, а радующимся о получении желаемого. Если это так, то не будем отчаиваться, но, радуясь, будем проводить настоящую жизнь, из сказанного заимствуя побуждение к такой радости и благодущию. Однако ж страхом Божиим растворим сие радование, как говорится в другом месте: *радуйтесь Господу с трепетом* (Пс. 2, 11). Так жены, бывшие с Мариєю, со страхом и радостью великою бежали от гроба (Мф. 28, 8). Может быть и мы когда-нибудь со страхом и радостью от мысленного устремимся гроба. И дивно будет, если без страха; потому что никто не безгрешен, хоть будь Моисей, хотя Петр Апостол. Однако ж в таковых Божественная любовь, победив, вон изгоняет страх в час исхода.

15) О том, что страстный, уверовав от всего сердца и со всем смирением, получает дар бесстрастия, имеешь свидетельство в Писании. *Днесь* говорит Господь благоразумному *разбойнику, со Мною будешь в раи* (Лк. 23, 43); жене кровоточивой: *вера твоя спасе тя; иди в мире* блаженнейшего бесстрастия (Мр. 5, 34).

Есть и других подобных мест немало, как: *по вере вашей буди вам* (Мф. 9, 29).

16) Когда, строго относясь к страстям, сильнее от бесов бываем стужаемы срамными помышлениями; тогда наипаче да утверждаемся в вере Господу, и крепчайшее да восставляем в себе упование обетованных вечных благ, которых лишить и от которых отчуждить нас стараются враги наши по зависти. Ибо если бы блага сии не были крайне велики, то бесы не горели бы такою к нам завистию и не устреляли бы нас так часто скверными помыслами, чая хоть этим удовлетворить злобе своей и думая вогнать нас в отчаяние многократным этим и несносным стужанием.

17) Некоторые определяют, что истиннейшее знание есть действование (по истине узнанной). И так старайтесь паче делами показывать и веру и знание; ибо кичащийся одним знанием услышит: *Бога исповедают ведут, а дела отмещутся Его* (Тит. 1, 16).

18) Большею частию во время празднеств и святых собраний, особенно же когда кто намеревается приступить к таинственной трапезе, бесы стараются осквернить подвижника срамными мечтаниями и истечением семени. Но и этим не успевают они сокрушить или расслабить навывшего все переносить терпеливо и мужественно. И пусть не хвастают на наш счет эти в дугу сгибающиеся (подобно змиям), будто прямые.

19) За постоянство и ревность враги отмщают, заушая душу различными и несказанными искушениями. Но мужайся! Этими скорбями великими и неисчетными сплетается тебе венец. К тому же *в немощах совершается сила Христова* (2 Кор. 12, 9), и в печальнейших состояниях обыкла процветать благодать Духа, как уверяет слово пророческое: *возсия бо говорит, во тьме свет правым* (Пс. 111, 4); конечно, *если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца* (Евр. 3, 6).

20) Ничто так не расстроивает обычно доброго настроения, как смехи, шутки и празднословие. И опять ничто так не обновляет обветшавшую душу и не уготовляет к сближению с Богом, как страх Божий, доброе внимание, непрестанное поучение в словесах Божиих, вооружение себя молитвою и взывание доброплодного бдения.

21) И удобно и вместе душеполезно твердо переносить всякую скорбь, людьми ли она причиняется или бесами, зная, что мы заслуженно подлежим всякой тяготе и никого при том кроме себя самих за то не укоряя. Другого укоряющий в своих прискорбностях уклоняется от правого подобающего суждения.

22) Бывает, что человек сдвигается с правого стояния, хотя он и старателен, выступая из своего чина по причине умножившихся искушений, которыми, как говорит Писание, *поглащается вся мудрость его* и все искусство (Пс. 106, 27). Попускается сие, *да не надеющиеся будем на ся* (2 Кор. 1, 9), *и да не похвалится Израиль, говоря: рука моя спасла меня* (Суд. 7, 2). Но уповай, что опять восстановлен будешь в прежнее прекрасное состояние, когда повелением Божиим отпадет от тебя и отогнан будет лукавый, который заставляет все и видеть и слышать страстно и на грех подвигает; одебелив же ум, как бы облаком густым, и плоти дает чувствовать неизреченную тяготу и бремя; и врожденный помысл, который сам по себе прост и не лукав, подобно новорожденным младенцам, делает многосоставным и очень искусным во всяком грехе, растлив его и извратив склонением то туда, то сюда.

23) Великое нечто есть человек, возрастающий внутри и величаемый за добродетели. И однако ж сей великий боится греха, как слон мыши, *да не како, иным проповедуя, сам неключим будет* (1 Кор. 9, 27).

24) Не только пред скончанием мира диавол *возглаголет словеса на Вышняго*, как говорит Даниил (7, 25); но и ныне бывает, что он чрез наши помыслы тяжкие воссылает хулы на

самое Небо, и Самого Вышнего бесславит, и создания Его и Святые Христовы таинства. Мы же, твердо стоящие на камне ведения, не должны бояться сего и дивиться дерзости этого нечестивца, но верою и теплейшею молитвою вооружась и вышнего сподобясь пособия, смело отвечать врагу.

25) С угрозою и бранью дерзко нападает враг на душу, только что исшедшую из тела, являясь горьким и страшным обличителем в падениях ее. Но можно видеть тогда и то, как боголюбивая и верная душа, хотя многократно прежде уязвлена была грехами, не боится его нападений и угроз, а паче его является сильною в Господе, окрыляется радостью, воодушевляется мужеством, видя сопровождающие ее Небесные Силы и как стеною ограждающий ее свет веры, и с великим дерзновением взывает против злого диавола: что тебе и нам, чуждый Богу? Что тебе и нам, сверженный с Неба и раб лукавый? Не имеешь ты власти над нами; власть над нами и над всем имеет Христос, Сын Божий; Ему мы согрешили, Ему и ответ дадим, имея ручательством милосердия Его к нам и спасения в Нем честный Его Крест. Ты же беги дальше от нас, окаянный. Ничтоже тебе и рабам Христовым. – От таких дерзновенных слов души хребет наконец даст диавол, раздирающий испуская крик, в бессилии устоять против имени Христова; душа же превыше его сущи и паря над врагом, заушает его, как так называемый быстрокрыл ворону. – После сего она в радовании переносится божественными Ангелами в определенное ей по ее состоянию место.

26) Что и малое некое искушение иногда по попущению полагает препону в преуспевании ревнителю, да удостоверит тебя в сем Ехениис, малейшая рыбица, одним прикосновением своим останавливающая тьмами вещей нагруженный корабль и не дающая ему подвигаться вперед; припомни при том и того, кто говорит о себе: *я Павел, – толикий, однажды и дважды хотех прийти к вам, и возбранил мне сатана* (1 Сол. 2, 18). Однако ж не приходи от сего в смятение, но паче подвизайся против сего с терпением и получишь благодать.

27) Когда богатый добродетелями по разленению уклонится от достодолжного, тогда восстают на него сыны злых востоков от Амалика, наипаче же Мадиям (Суд. гл. 6), – блудлюбивая сила, – с верблюдами их, т. е. страстными воспоминаниями, коим нет числа, и растлевают все плоды земли, т. е. плоды добрейшего действия и обычая; вследствие чего обнищает наконец Израиль, впадает в малодушие и понуждается воззвать к Господу. Тогда посылается ему свыше благий помысл, подражатель Гедону в великой вере и смиренномудрии [ибо он говорил: *тысяча моя худша в Манасии* (Суд. 6, 15)]; и он ополчается против такого множества нападающих с тремя стами человек немощных, и при споборстве благодати преславно воздвигает трофей победы над врагами.

28) Не возможешь ты *на аспида и василиска наступить и попрасть льва и змея* (Пс. 90, 13), если, долгим молением умолив Бога, не получишь в споборники себе Ангелов, чтоб они, подъяв тебя на своих руках, соделали тебя высшим всякого веществолюбивого мудрования.

29) Когда кто из крепко подвизающихся будет побежден, да не падает он духом и да не расслабляется нравом, но под действием слов Исаии выпрямься, да благодушествует, такую воспевая песнь: *могущи покаряйтесь, о лукавые бесы! Аще бо и паки возможете, паки побеждени будете: и иже аще совет совещаете, разорит Господь, яко с нами Бог* (Ис. 8, 9. 10), – Бог, восставляющий низверженных и заставляющий врагов наших раздираться скорбию и досадою, коль скоро покаемся.

30) Невозможно миновать печали тому, кто обучается искушениями; но после сего великой сподобляются радости таковые, и слез сладких и помышлений божественных за то, что болезнование и сокрушение возделали в сердцах своих.

31) Если ни хотящий Исаак, ни текущий Исав к желанному благословению, не получили чаемого (Рим. 9, 16), – так как Бог милует, благословляет и Духом помазует не того, кого мы восхотели, но того, кого Он Сам, прежде создания, предопределил в служение Себе; то отнюдь не будем смущаться или завидовать, когда увидим каких-либо братий, жалких и

последнейших, преуспевающими в добродетели. Слышал ты конечно и то, что говорит Господь в притче: *даждь сему место* (Лк. 14, 9), – чтоб возлег тут тот, кто выше тебя. Подивимся же паче при сем Судии, премудро и неизреченно присудившему, чтобы тот, малейший и последний, первенствовал и предводительствовал, а мы были последними, хотя первенствуем над ним и подвигами и летами. Какую меру Господь дал каждому человеку, с тою и да соображаемся. *Аще живем Духом, Духом и да ходим*, как написано (Гал. 5, 25).

32) Никак не соглашайся, когда находящийся у тебя на послушании скажет тебе: дай мне власть некоторое время, для добродетели, попытать то или другое дело и совершать его так и так. Ибо говорящий так, явно, свою волю исполнять хочет, а заветы добрейшего послушания отменяет.

33) Страсти плотские и душевные, как увидишь, временем и Божиим мановением истребятся, хотя бы их и много было; милость же Христова никогда не пресечется. Ибо *милость Господня от века сего и до века грядущего на боящихся Его* (Пс. 102, 17).

34) Сокровищницы царские наполнятся златом; а умы истинных монахов исполнятся ведения.

35) Бывает иной раз, что учитель предается бесчестию и подвергается искушениям за получивших от него духовную пользу. Ибо, говорит, *мы бесчестны*, – бесчестимы будучи пакостником плоти, – *и немощны*; *вы же славны и крепки во Христе* (1 Кор. 4, 10).

36) Источник и опора растления чрез плоть – страстный помысл. Но отрезвившийся после падения изгоняет его из души покаянием. Ибо говорится, – лучше бы было, если б вы поплакали, да измется из среды вас настроивший вас сделать дело сие, злой и непотребный помысл (1 Кор. 5, 2). Так плач противостоит духу растления.

37) Кто возвестит угнетенному бесславию и бессилию к добродетелям, что он узрит Иисуса не только в будущем, но еще здесь, с силою и славою мною грядущего к нему чрез бесстрашие? Так что, подобно Сарре, душа его, состаревшаяся в бесплодии и по обетованию родившая наконец сына правды, скажет: смех мне сотворил Бог, т. е. великую даровал радость, столь много лет в печали пребывавшей по причине многострастия; или по другому переводу: младость сотворил мне Бог, – *и обновилась, как орля, юность моя* (Пс. 102, 5). Ибо состаревшись прежде во грехах и страстях бесчестных, ныне снова родилась я, и стала юною и нежною, прежде бывши огрубелою от вещества, и легко уже ныне смотрю на мирские вещи, восприяв свойственную мне по естеству простоту и безразличность, после того как по многоблагоутробию Божию здравым соделался ум мой, и плоть моя стала, как у Неемана Сирианина, подобною плоти младенцев чрез омытие мое в Иордане ведения; теперь я единоправна, по благодати Божией избавившись от мудрования змиева и от полчища злых помыслов, многоискусных во зле и многовещественных (погруженных в чувственность).

38) Предположи, что Сам Господь говорит тебе: «в одно время Я отнял у тебя такой-то и такой-то дар, в которых ты удовлетворялся умом и упокоевался; и дал тебе вместо них другое равносильное им дарование такое и такое. Ты же, думая об отнятом и не обращая внимания на данное вместо того, стенаешь, болеешь и печалию уязвляешься; но радуешь Меня, приемля скорбь от Меня (2 Кор. 2, 2), ибо Я скорбь причиняю на пользу, спасти паче, а не погубить заботясь почитаемого сыном Мне».

39) Наложил на себя заповедь не есть рыбы, и смотри, как враг после того начнет неустанно гнать тебя к похотению рыбы, и как равно и ты сам неистово начнешь устремляться ко вкушению того, чего и желать тебе не следует, да испытаешь примерно случившееся с Адамом; ибо и он услышав: вот от этого древа не ешь, на это одно запрещенное и устремился со всем похотением.

40) Иного Бог спасает разумностию, а иного простотою и незлобием; ибо ведать тебе надлежит, что Бог не отринет незлобивого.

41) Которые сильнее налегают на молитву, те подвергаются более страшным и свирепым искушениям.

42) Если облещись в бесстрастие предызбран ты, не предавайся беспечности, но сколько сил есть старайся достигнуть ее. Ибо *воздыхаем в жилище наше небесное облещися желающе; да пожер-то будет мертвенное животом* (2 Кор. 5, 2. 4), не только телесно вместе со скончанием мира, но и еще здесь духовно, как залог. Ибо *пожертва бысть смерть победою* (1 Кор. 15, 54). И пожертвы будут волнами с небес посланной нам силы все египтяне, которые, гонясь вслед нас, оскорбляют нас.

43) Если забыл ты сказавшего: *боюсь, да не како иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 27), и: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12), – еще: *блюдый себе* (слово к духовным), *да не и ты искушен будеши* (Гал. 6, 1), – если забыл ты об уклонении с правого пути и беззакониях Соломона, после толикой благодати, – если предал ты забвению неожиданное отречение великого Петра: то понадейся на свой разум, повеличайся образом жизни своей, похвались длительностью твоего подвижничества великого, и дай место гордыне. – Но, о брате, – отнюдь не разленивайся (развалившись навзничь), и не предавайся беспечности, – но паче бойся, пока есть дыхание в ноздрях твоих, хотя ты достиг числа лет Моисеевых, и молись, говоря: *Господи, не отвержи мене во время старости моей: внегда оскудевати крепости моей, не остави мене Боже, Спасителю мой! О Тебе пение мое выну* (Пс. 70, 9, 6).

44) Говорит тебе Господь, как Матфею: *по Мне гряди* (Мф. 9, 9). – Если теперь ты, усердно теча вслед своего многовожделенного Владыки по пути жизни, преткнешься о камень страсти ногою своею и внезапно падешь в грех, или встречая тинистые места, почасту и нехотя будешь поскользаться и упадать; то сколько раз случится тебе пасть и боль мучительную причинить телу своему, столько же вставши опять с прежнею ревностью теки вслед Господа своего, пока не достигнешь Его. Тако *во святем помышлении явихся Тебе, видити спасающую меня силу Твою и славу Твою, и о имени Твоем воздежу руце мои, и возмню себя от тука и масти исполненным быть и возрадуются уста мои, поя песнь Тебе* (Пс. 62, 3–6). Великое для меня достоинство в том, что я получил имя Христианина, как говорит мне Господь устами Исаии: *велие ти есть, еже назватися тебе рабом Моим* (Ис. 49, 6).

45) Где говорится, что *Отец даст блага просящим у Него* (Мф. 7, 11), а где, что *даст Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11, 13): каковыми речениями внушается, что не только оставления грехов, но и подаяния небесных даров сподобляются молитвенники Божии, укрепляемы бывая в своем искании тою мыслию, что не праведникам, а грешникам обетовал Господь такие блага. Итак проси неотступно и с несомненным расположением, хотя несовершен ты в добродетельной жизни, немощен и ничего не достоин, – и получишь великое.

46) Да помыслит невер или малOVER, как муравей окрыляется, и еще, как червь некий делается пернатым, и много других дивных явлений совершается среди тварей; чтоб хоть таким образом отложив недуг неверия и нечаяния, окрылить наконец и прорастить, как древо, преславное ведение. Ибо *Аз есмь, говорит Господь, древо сухое прорицающий и кости изсохшия оживотворяющий* (Иез. 17, 24; 37, 4 и 9).

47) Отнюдь да не восхощем ради потребностей телесных истаявать в заботах; но всею душою будем веровать Богу, как некий некогда говорил благий муж: *вверьтесь Господу, и Он вверится вам, – и как пишет блаженный Петр апостол: уцеломудритесь и трезвитесь в молитвах* (1 Пет. 4, 7), – всю печаль вашу возверзше на Бога, яко Той печется о вас (1 Пет. 5, 7). Если еще сомневаешься и не веришь, что Он печется о тебе, чтоб препитать тебя, посмотри на паука и рассуди, сколько разнствует человек от паука, паука, говорю, которого слабее и бессильнее ничего нет. А он ни стяжаний не имеет, ни повсюдных хождений не совершает, не судится и не гневается, и кладовых не имеет, в совершенной кротости и цело-

мудрии и крайнем безмолвии проводит жизнь свою, о том, что касается ближних, не любопытствует, одно свое делает и своим делом тихо и безмятежно занимается, чем и не говоря говорит любителям бездействия, что нехотящий трудиться не должен и есть, молчалив же он столько, что много превзошел самого Пифагора, которому больше всех философов эллины дивятся за его подвиг воздержания языка. Пифагор не со всеми говорил, но с приятелями своими говаривал по временам тайком, также к быкам и орлам обращал иногда речь, делая нечто смеха достойное и бессмысленное; вина совсем он не употреблял, и пил одну воду. Такое Пифагорово воздержание языка паук превзошел совершенным своим безгласием; воздержание же его от винопития – тем, что чуждается и водопития. В таком безмолвном состоянии пребывает слабый и смиренный паук, не любя выходить наружу и блуждать там и сям, ни безмерно предаваться труду и утомлению; и в вышних Живой и на смиренные призирая (а ничего нет смиреннее паука), простирая даже до него Свое промышление, посылает ему каждодневно питающие некое, по близости скиниицы его, давая попадаться в сети его для потребы его малым насекомым.

48) Может быть, кто из поработанных гортанабесию скажет: я много ем, и как много потому трачусь, то мне нельзя не вплетаться во многие житейские хлопоты и сделки. Но и этот пусть посмотрит на китов великих, пасомых в Атлантическом океане, как изобильно питаемы они бывают от Бога и никогда голода не испытывают, хотя каждый из этих зверей столько поедает рыб, сколько даже самый многочисленный город в день потребить не может. *Вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время*, поет св. пророк (Пс. 107, 27). Почему много ли кто съедает или мало, того и другого питает Бог. Слыша сие и ты, широкое и пространное чрево имеющий, всего себя возложи на Бога и веру, отряси всякую мирскую заботу и ум многопопечительный, и не будь неверен, но верен.

49) Если желаем воистину угодить Богу и блаженнейшею возлюблены быть от Него любовью, представим Богу ум наш нагим, ничего от века сего не влекущим с собою и в себе, ни искусства, ни знания, ни софистического мудрования, хотя бы мы изучили всю премудрость мирскую. Ибо Бог отвращается от того, кто приступает с самомнительным нравом, упитан тщеславием и надмен. Добро некоторые истолкователи называли суетное самомнение упитанием себя собою и дмением.

50) Как можем мы преодолеть укоренившийся прежде грех? Нужно самопринуждение (или насилие делать желаниям воли своей). Ибо говорится: *муж в трудах трудится собою, и изнуждает* (насильно прогоняет) *погибель свою* (Притч. 16, 26), всегда любопрясь возводить помыслы свои горе к святыне. Насилие насилием разрушать не воспрещено законами (т. е. насилие греха насилием добрых стремлений). Когда вносим самопринуждение к какому-либо добродушию (т. е. сами себя насилию заставляем в дело произвести доброе стремление), тогда ожидаем прочее имеющую прийти к нам с высоты силу, сидя во Иерусалиме (Лк. 24, 49), т. е. в непрестанной пребывая молитве и в прочих добродетелях, пока придет к нам сия сила державная, действующая не как наши немощные усилия, но такая, которой нельзя выразить телесными устами, мощно побеждающая и одолевающая и греховный нрав и злобу бесов, побеждающая и наклонность наших душ к худому, побеждающая и все непотребные движения телесные. *Бысть*, говорит, *шум с неба, яко носиму дыханию бурну* (Деян. 3, 2), чтоб нудительно изгнать из нас зло, всегда нудительно нас влекущее к худому.

51) *Приседит враг в ловитве, яко лев во ограде своей* (Пс. 9, 30), скрывая для нас сети и mreжи помыслов нечистых и нечестивых. Но и мы, если не спим, можем еще большие и опаснейшие для него поставить сети, тенета и засады. Ибо молитва и псалом, бдение и смирномудрие, послушение ближним и милость, благодарение и божественных словес слушание – вот засада врагу; и сеть, и яма, и бичи, и тенета, и удушение.

52) Исполненный лет многих, божественный Давид, благодаря Бога, избравшего его, говорит к концу своего исповедания благословений Божиих: ныне обрел раб Твой сердце

свое помолитися Тебе молитвою сею. Это сказано, чтоб дать нам уразуметь, что требуется великий подвиг и много потребно времени провести в молитвах, чтоб достигнуть начатков безмятежного устройства сердца, сего другого некоего Неба сердечного, – где обитает Христос, как говорит Апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть* (2 Кор. 13, 5)?

53) Если Христос *бысть нам премудрость от Бога, правда же, и освящение и избавление* (1 Кор. 1, 30); то явно, что и упокоение. Ибо говорит: *приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Добре потому говорить можно, что Он соделался для человека субботою, т. е. упокоением. Ибо род человеческий только в Едином Христе покой обрести может.

54) Как есть чаша падения и чаша гнева, так есть и чаша немощи, которую прияв от нас Господь, в подобающее время дает в руки врагов наших, чтобы прочее не мы, а бесы немоществовали и падали.

55) Как во внешних делах есть менялы, ткачи, птицеловы, воины, строители: так разумей и о внутренних делах, что есть и в помыслах азартные игроки, отравители, морские разбойники, звероловы, блудники, убийцы и подобные; каковых надлежит тотчас изгонять вон благочестивым противоречием и молитвою, особенно блудных сквернителей, чтоб не сквернили святого места и не делали мерзким человека Божия.

56) Не только словом преклоняется Господь на дарование спасения, как было с разбойником, вопившим к Нему со креста, но и помыслом. Так кровоточивая оказалась в себе (т. е. помыслила с верою): *аще точию прикоснуса воскрилию риз Его, спасена буду* (Мф. 9, 21); и раб Авраамов *в уме своем глагола к Богу* о Ревекке (Быт. 24, 15).

57) Содеянный грех почти тотчас сам гонит кающегося к Богу, как только он примет в чувство зловоние, тяготу и неистовство греха. Кто же не хочет преклониться на покаяние, того не гонит он к Богу, а удерживает при себе и вяжет его неразрешимыми узами, делая сильнейшими и лютейшими пагубные пожелания.

58) Блуди себя от чар Иезавелиных (4 Цар. 9, 22), из коих лютейшие суть помыслы кичения и суетной славы. Избавиться же от них можешь ты, благодатию Божиею, если будешь уничижать и охудать душу свою и повергать себя пред Господом, призывая Его помочь тебе и исповедуя, что искомое тобою избавление есть небесное дарование. Почему и говорится: *не может человек принимати ничесоже, аще не будет дано ему с небесе* (Ин. 3, 27).

59) Бывает иногда, что во время учреждения братии прорывается тщеславный помысл сказать что-либо не вовремя; ангельские же помыслы внушают тебе прогнать этот болтливый безвременный помысл. – Итак если ты не прогонишь его добрым молчанием, а позволишь ему прейти наружу, напыщен быв кичением; то должен будешь понести худые от того последствия, – праведно предан будучи или большему еще греху, или внешним каким прискорбностям, или тяжелым неприятностям со стороны братий, или мучению в будущем веке: ибо и о праздном и тщеславном слове, произнесенном по необученности языка, отдадим мы отчет; почему тщательно должно блюсти язык свой.

60) Которые искушаются чувственными утешами, гневом, славолюбием и другими страстями, о тех говорится, что они днем жегомы бывают солнцем, а ночью луною (Пс. 120, 6). Итак молись, да осенит тебя божественное росоиспускательное облако, чтоб избежать вражеского жжения.

61) Отнюдь не давай смелого к себе доступа любителям пьянства и рабам бесчинных трапез, ни тем, кои охочи говорить бесстыдные речи, хотя бы они были убелены сединами, и хотя бы долгое время вели монашескую жизнь; чтоб их гнилость не покрыла и тебя, и ты не причтен был к нечистым и необрезанным сердцем.

62) Прежде Петру вручаются ключи, а потом попускается ему впасть в отречение от Христа Господа, чтоб падением таким уцеломудрить его о себе мудрование. Так и ты, если,

получив ключ разумения, попадаешь разным искушениям, не дивись сему; но прославляй Единого Премудрого Господа, падениями обуздывающего самомнение, находящее вслед за Божественнейшим ведением: ибо искушения суть узда, по Божию промыслению могущая обуздать человеческое надмение.

63) Если Господь часто отнимает у нас блага, как, например, богатство у Иова; ибо Господь его дал, Господь и взял (Иов. 1, 21): то конечно взято будет из рук наших и зло, которое навел на нас Вечный; ибо, как говорит премудрый, *благая и злая от Господа суть* (Сир. 11, 14). И наводящий на нас злое, Он же дарует нам и вечную радость со славою вечною. Как я бдел, говорит Господь, чтоб разорить вас и зло сотворить вам, так и воссозижду и уже не разорю, насажду и уже не исторгну. Да умолкнет же народное присловие, гласящее: коль скоро стало недобре, не будет уже добре. Ибо изменивший дела наши на худшее, конечно может опять неожиданно преложить их в светлейшее состояние.

64) Сильнее и победолюбнее нападающий на бесов воздержанием, или молитвою, или другою какою добродетелию, и сам от них получит глубочайшие раны до того, что даже в безнадежие придет, подозревая, не лежит ли на душе его осуждение мысленной смерти, и вынужден бывая звать: *кто мя избавит от сего тела смерти* (Рим. 8, 24); потому что враг против воли заставляет меня повиноваться законам своим.

65) Не просто написано прежде, как некоторые говорили друг к другу: *возстаните, пойдём к народу живущему со упованием, и в покое пребывающему* (Суд. 18, 9. 10); и еще: *придите взыдем во Иудею, и беседовавшие с ними языком лукавым, отворотим я к нам от истины* (Ис. 7, 5. 6). Так обыкновенно и злые бесы против тех, кои избрали безмолвное пребывание, во всю жизнь их точат мечи искушений, и на тех, кои более благоговейны, и богобоязненны, с большим неистовством нападают, увлекая их на грех по поводу самых дел благочестия, бранями неизреченными; чтоб хоть таким образом отклонить их от веры во Христа, от молитвы и благоупования, препобедив их. Но мы, Господи, говоря с Давидом (Пс. 79, 19), не отступим от Тебя, дондеже ущедришь нас, и удалятся от нас поглощающие нас; не отступим от Тебя, пока не повелишь отойти от нас искушающим нас, и мы не оживотворимся терпением и твердым бесстрашием. Ибо искушение есть житие человеческое, и часто, во время определенное, от Самого Подвигоположника попускается нам падать под ноги чуждых; но душе великой и доблестной свойственно не отчаиваться в прискорбных случайностях.

66) Если столько силен бес, что может, и когда не хочет человек, преклонять его и перетягивать на свою волю по причине выступления его из истинного своего по естеству чина; то сколь более силен Ангел, в определенное время приав повеление от Бога, все расположение человека перевести на лучшее? И если север всехладный столько силен, что мягчайшее естество воды превращает в твердость каменную, то чего не может сделать теплейший юг? Если воздух, крайне охлажденный, все себе подчиняет и своим холодом исполняет: ибо *кто постоит против лица мраза* (Пс. 147, 6)? То как теплоте не преложить всего по свойству своему? Ибо и против лица теплоты кто постоит? Будем же веровать, что и хладный и черный уголь ума нашего, позже когда-нибудь или скорее, станет горячим и световидным от прикосновения божественного огня.

67) Есть и в настоящем веке с верным свидетельством и признаками, проявляющееся в сокровенном нашем Иосифе, состояние бесстрастия, в коем ум наш, исшедши из Египта, отстает от страстных влечений и скрытного срамнейшего рабства, и слышит язык, которого не знал, не язык бесов, нечистый и растлевающий здравое разумение, но святой язык Ангелов, преобразующих ум из телесного в бестелесный, — язык, просветительный для приемлющей его души.

68) Слышал я некоторых братий, тяжело болящих телом и немогущих держать пощения, обратившихся ко мне с вопросом: как можем мы без пощения избавиться от диавола и страстей? Таковым надобно отвечать, что не одним воздержанием от яств, но и воплем

к Богу из сердца можете вы истреблять и прогонять недобрые движения и тех, кои возбуждают их. Ибо говорится: *воззваша к Господу, внегда скорбети им, и от нужд их избави я* (Пс. 106, 6); и еще написано: *из чрева адава вопль мой, услышал еси глас мой: и да възидет из истления живот мой* (Иона 2, 3, 7). Почему *дондеже преидет*, говорит, *беззаконие* т. е. стужение греха, *воззову к Богу вышнему* (Пс. 56, 23), да подавая мне величайшее благодеяние, истребит Он самый прилог греха властью Своею и изгладит идолов страстного ума и безидольным покажет наши полные идолов немощи. Итак, если ты не получил дара воздержания, то ведай, что Господь ради молитвы твоей и упования хочет услышать тебя, когда воззовешь к Нему. Узнав теперь такое Господне о тебе присуждение, не тужи о своем бессилии к подъятию подвига пощения, но паче потщися избавиться от врага молитвою и благодушным терпением. *Если помыслы немощи и злострадания гонят вас из града пощения, бегите в другой* (Мф. 10, 23) т. е. в град молитвы и благодарения.

69) Говорит фараон моляся: да отымет Бог от меня смерть сию, – и был услышан; также и бесы, просившие Господа, да не повелит им идти в бездну, получили просимое. Не тем ли паче услышан будет человек христианин, молящийся об избавлении от мысленной смерти.

70) Время некое просвещаемый и упокояемый божественною благодатию, по умалении же ее впадающий в парения ума и влечения неподобные, и ропшущий за то, или бесполезному унынию предающийся, а не ревнующий мужественно молитвою опять восстановить в себе спасительное то настроение; подобен бедному, который, получив милостыню из палаты царской, негодует, что не введен был внутрь, чтоб возлежать за царскою трапезою.

71) *Блаженни не видевшии, и веровавшие* (Ин. 20, 29), как блаженны и те, которые, по умалении действия благодати, не находя утешения в себе самих, а напротив встречая чередование скорбей и тьму глубокую, не падают в нечаяние, но верою укрепляясь, доблестно терпят, в уверенности, что видят невидимого.

72) Смирение, благодатию Божиею в свое время, после многих подвигов, борений и слез свыше подаемое ищущим его, несравненно сильнее и выше смирения, бывающего у отпадавших от добродетели. Сподобившиеся его суть воистину мужи совершенные.

73) Когда диавол оставил Господа, тогда *приступили к Нему Ангелы и служили Ему* (Мф. 4, 11). И так, как не написано, что во время искушения Господа присущи были Ангелы, так, и когда мы бываем искушаемы в какое-либо время, отступают недалеко Ангелы, потом по удалении искушающих приходят к нам и служат нам, подавая божественные помышления, утверждение, просвещение, сокрушение, утешение, терпение, услаждение и все, что спасает, укрепляет и воссозидает душу, потрудившуюся в борьбе. Нафанаилу сказано было: *отселе, узрите Ангелов, восходящих и нисходящих над Сына Человеческого* (Ин. 1, 51), т. е. отселе на род человеческий богато изольется служение и помощь Ангелов.

74) Помни Архиерея оного, одесную коего стал диавол, чтоб сопротивляться ему (Зах. 3, 1) т. е. всякому правому помышлению, слову и делу, – да не изумишься, когда случится что подобное.

75) Ведать надлежит иноку, что есть немощь, как в словах: *помилуй мя, Господи, яко немощен есмь* (Пс. 6, 3), и что есть отступление от Бога, – сия болезнь диавола и ангелов его.

76) Как железо делается неприкосновенным от проникновения его огнем, так частые молитвы мощнейшим делают ум на брань с врагом; почему бесы всеми силами и стараются ленивостью расслаблять нас на терпеливое пребывание в молитве, зная, что она к ним враждебна, и уму способовательна в брани.

77) Давид принял усердие вышедших вместе с ним из Секелага против иноплеменников, хотя они, изнемогши, и остались на потоке Восорове⁴. Почему возвратившись с победы

⁴ Вся дружина, пошедшая из Секелага, была в 600 человек. 200 из них, дошедши до потока Васорова, не имели сил идти дальше. Давид остановил их тут беречь вещи и пошел дальше с 400. – Усердие разумеется то, с каким они пошли.

над варварами и услышав, как иные говорили, что не следует давать части из добычи этим, сидевшим от изнеможения при потоке, – и видя, что они устыдились, не имея что сказать, – благостнейший Давид защитил их, говоря: они были посажены при вещах, чтоб беречь их, и отделил на них часть, равную той, какую дал ратникам, мужественно и благодушно воевавшим (1 Цар. 30, 21). Рассуди теперь, что, если в брате каком-либо, в начале показывавшем горячую ревность (к подвигам поста, бдения и проч.) и потом немного ослабевшем в них, предположить сохраненными вещи его (внутренние добрые расположения), – веру, раскаяние, смирение, плач, терпение, упование, великодушие и проч.; то этот, приседящий им и терпеливо в них пребывающий в чаянии о Христе Иисусе Господе, хотя и слаб в подвигах явных, улучит, как подобает, некий вечный дар.

78) Левитами и иереями названы те, кои всех себя всецело посвятили Богу, и деятельностью, и созерцанием; а скотами левитскими (Числ. гл. 3) называются те, которые, хотя бессильны неуклонно шествовать путем добродетелей, однако ж соулаждаются добродетели, желают ее непрестанно и ревнуют о ней посильно, хотя не всегда успевают в том, по причине худа, отнимающего у них силы. Но во время подобающее и они, – можно надеяться, – получают дарование бесстрастия, по одному человеколюбию Божию. Ибо говорится: *желание убогих услышал еси, Господи* (Пс. 9, 38).

79) Удары, какие наносит нам враг, явно и не явно, мы часто замечаем и видим; мучения же и досаждения, какие он от нас терпит, когда мы или преуспеваем в добродетели, или каемся в прегрешениях, или переносим оскорбления, или благодушествуем в несчастиях, или пребываем в молитвах, или другие какие совершаем дела благочестия, от которых он раздражается, мучится, плачет и расседается, – этого всего мы по смотрению Божию не видим, чтоб не надмиться. *Ибо праведно у Бога, как говорит Апостол, воздати скорбь оскорбляющим вас* (1 Фес. 1, 6).

80) Если устаревший на земле или на камне пень от водной влаги дает отростки, как новонасажденное, то возможно и нам, когда бываем оживляемы силою Духа Святого, произращать нетление, которое прияли мы по естеству, и давать плод, как дает новонасажденное, хотя мы ниспадали в ветхого человека.

81) К душе, отчаивающейся по причине обилия искушений и множества грехов и говорящей: погибла надежда, убиты мы, сказано неотчаявающимся во спасении нашем Богом: *Оживете, и увесте, яко Аз есмь Господь* (Иез. 37, 6). К душе же, недоумевающей, как и силою каких добродетелей возможен она снова родиться о Христе, сказано: *Дух Святой найдет на тебя* (Лк. 1, 35). Где же присущ Дух Святой, там не ищи закона естества и обычного последования причин и действий. Ибо всемогущ покланяемый Святой Дух и не могущее сбыться по естеству произведет в тебе силою Своєю, так что ты изумишься. Кроме того, еще и победителем явит Он теперь ум твой, который прежде был побеждаем. Ибо свыше нисходящий на нас Утешитель выше всего есть; и тебя поставит выше всех естественных движений и бесовских страстей.

82) Подвизайся сохранить невредимым светозарность ума твоего владычественного. Если начнешь страстно смотреть на все, значит, Господь омрачил тебя, наложил покров на лицо твое, – и *света очей твоих нет с тобою* (Пс. 37, 11). Однако ж, если и так у тебя это есть, не знай утомления и не ослабевай, моляся со святым Давидом: *посли свет Твой, и истину Твою мне омраченному унынием, спасение лица моего и Бог мой* (Пс. 42, 3, 5); *последии бо Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 30).

83) Блажен, кто ненасытно яст и пьет молитвы и псалмы здесь день и ночь, и укрепляет себя славным чтением Писания; ибо такое причащение доставит душе в будущем веке неистощимое радование.

84) Всеми силами крепись не падать; ибо крепкому борцу не подобает падать; если же случится пасть, скорее вставай, и стой опять в добром подвиге. Хотя бы тмократно случилось

с тобою первое, по отступлению благодати, тмократно да будет у тебя и второе, т. е. восстание. Так до конца жизни твоей. Ибо написано, что, если *седмерицею падет праведный, седмерицею и возстанет* (Притч. 24, 16). Пока держишь оружие святой схимы (т. е. решимость служить Богу) со слезами и умаливанием Бога, дотоле считаешься ты в ряду стоящих, хотя бы и часто падал. Пока пребываешь с иноками, как мужественный воин, получаешь раны спереди, – за которые и похвален будешь, что и будучи уязвляем не уступил, не поддался и не отступил. Если же отступишь от иноков, то будешь получать раны уже сзади, как беглец и трус, растерявшийся и оставивший строй.

85) Отчаиваться бедственнее, чем согрешать. Иуда предатель был малодушен и неискусен в брани; почему впал в отчаяние; и враг, набежав, набросил на него петлю. Петр же, – сей камень твердый, – подвергшись страшному падению, как искусный в брани, не упал духом и не отчаялся в крайней скорби своей, но вскочив, излил горчайшие слезы от сердца сокрушенного и смиренного; и супостат наш, видя сие, как сильнейшим пламенем палимый в лицо, тотчас отскочил и убежал далеко, лютые испуская вопли.

86) Против следующих трех страстей монах должен до конца непримиримую вести брань: против чревоугодия, против тщеславия и против деньголюбия, которое есть идолослужение.

87) Царь некий Израильский победил народ троглодитов и других с ними варваров при псалмах, и пениях, и песнях духовных, петых на органах Давида и словами его (2 Пар. 12, 3; 20, 22). Имеешь и ты варваров троглодитов, бесов, в чувства твои и члены претесняющихся, и плоть томящих разжжением, и настраивающих тебя страстно смотреть, слушать и обонять, говорить непотребные речи, очи иметь полные блуда, и быть смятенну и внутри и вовне, повавилонски. Позаботься же и ты вконец истребить этих злодействующих в тебе троглодитов, верую великою, и псалмами, песнями и пениями духовными.

88) Как Господь хочет, чтоб человек чрез человека спасаем был, так диавол усиливается, чтоб человек чрез человека погубляем был. Почему не должно прилепляться к мужу презорливому, злоумному и болтливому, чтоб вместе с ним не попасть в ад. Ибо и с праведным кто сближаясь, едва улучшает спасение. Если же кто с лукавным станет общаться без опасения, то, как заразу и проказу, сретит кораблекрушение. И кто будет жалеть с веселым лицом подступающего к дракону? Бегай же необученных владеть языком, сеятелей раздоров и мятущихся внутри и вовне.

89) Кто хочет, чтоб его прозвали мудрым и разумным и другом Божиим, тот да печется усердно душу свою представить Господу такую, какою от Него приял ее, чистою, неуязвленной, и всю непорочною. За это увенчан будет он на Небесах и ублажен Ангелами.

90) Одно доброе слово сделало некогда непотребного одного разбойника чистым и святым и в рай ввело его. И одно недоброе слово заградило Моисею вход в землю обетованную. Не будем же почитать языкоболие малою болезнью; ибо злоречивые и суесловые заключают для себя Царствие Небесное. – Муж язычный хотя здесь и может еще какой-либо успех иметь, там же – никакого, *но злая уловят его в истление* (Пс. 139, 12). Добре сказал некий мудрый муж, что лучше упасть с высоты на землю, нежели от языка. Надлежит нам потому послушаться св. Иакова, который пишет: *да будет всяк человек скор услышати и косен глаголати* (Иак. 1, 19).

91) Чтобы не парить нам и не рассеиваться, прельщаясь суетностью, хорошо внимать пророку, который говорит: *идите, людие мои, внидите в храмину вашу*, – в храмину сердца вашего, сокрытую от всякого чувственного впечатления, в оное обиталище безобразное, осияваемое бесстрастием и осенением святой благодати, – *затворите двери своя* от всего видимого, *укрыйтесь мало елико елико* – ибо и вся жизнь человеческая мала, – и после сего прилагает: *дондеже мимо – идет гнев Господень* (Ис. 26, 20), как другой некто сказал: *дондеже преидет беззаконие* (Пс. 56, 2). Ибо и беззаконие, а следовательно и бесы, и страсти, и грехи

суть гнев Божий, как говорит к Богу Исаия: *се Ты разгневался еси, и мы согрешихом* (64, 5). Избегает же сего гнева человек, непрестанно внимая сердцу в молитве и усердно борясь быть внутри, во внутренней своей неприступной храмине. Ибо привлеки, говорит некто, премудрость во внутреннейшее твое (слич. Притч. 8,12; Сир. 45; 31; 51, 18); потому что *вся слава дочери царицы внутри* (Пс. 44, 14), говорит другой, прилагая: *сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие* (Пс. 72, 17), *и в гору достояния* (Пс. 67, 17), *в готовое жилище* (Пс. 32, 14), которое соделал Ты, Господи, *во святиню, которую уготовали руки Твои* (Пс. 77, 54).

92) Желающий истинно отрешиться от мира да подражает блаженному пророку Елисею, ни одной вещи из имений своих с собою не взявшему, по великой, как пламенем распалывшей его любви к Богу. Все, что есть у него, пусть раздаст он нуждающимся, и подъяв таким образом Крест Господень, да течет произволением на вольную смерть, – виновницу Вечного Царствия.

93) Когда восчувствуешь, что Аморрей возмогает в тебе, как дуб, прилежно молись Господу, да иссушит Он плод его сверху, т. е. делом совершаемый грех, и корни его снизу, т. е. нечистые помыслы. И да отженет Господь Аморрея от лица твоего!

94) Не следует чудиться, когда увидите посмевающих безмолвию нашему, потому что сами не могут безмолвствовать; лучше пением отразите дурное от них впечатление, однако ж без злопамятства, восставляя в себе вящшее Богу повиновение ваше и вызывая в пении: *обаче Богови повинися, душе моя* (Пс. 61, 6); *ибо вместо еже любить мя, оболгаху мя, аз же моляхся* (Пс. 108, 4) об исцелении и меня самого и их.

95) Если не дхнет на море сильный ветер, не появится волнение; и если не нападет на нас бес, не взволнуется страстями ни душа ни тело.

96) Если ты всегда бываешь согреваем молитвою и божественною благодатию, то, как говорит Божественное Писание, ты облечен во оружие света. Твое одеяние тепло, враги твои облечены, как в двойную одежду, в стыд и дрожание от холода.

97) Держа памятование о своих погрешениях, не ленись ударять в перси свои, чтоб такими ударами разбить и умягчить окаменелое сердце, как каменщики разбивают металлоносную почву; и обретешь в нем жилу злата, и возрадуешься о сокровенном сокровище.

98) Огонь желания высших благ и святого богомыслия о словесах Духа да горит непрестанно на жертвеннике души твоей.

99) Если всегда будешь стараться *обувать ноги в готовность благовествовать мир* (Еф. 6. 15), то всеконечно устроишь добре и свой собственный дом, и дом ближнего твоего. Если же возмалодушествуешь (при встрече неприятностей), то оплеван будешь невидимо, и по закону *наследуешь имя иззутаго из сапога* (Втор. 25, 9, 10).

100) Если, по Иоанну, Бог любви есть, то любящий в Боге пребывает и Бог в нем. Кто же ненавидит ближнего в разрыве союза любви, тот очевидно вместо любви восприял ненависть. Ненавидящий убо однородного себе далеко отстоит от Бога, если *Бог любви есть, и пребывающий в любви в Боге пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16). Ему слава и держава веки. Аминь.

Преподобный Зосима Палестинский

Краткое сведение о преподобном Зосиме Палестинском

Древний латинский переводчик беседований преподобного Зосимы такое предисловие предпосылает им: «Высоко ставлю и ценю беседования сии, по причине ясно излагаемого в них истинного свойства аскетических подвигов, по причине обильного помазания духовного, коим они пропитаны, и сладчайшего благоухания святыни, ими издаваемого. Ничего так охотно я не списывал, ничего не переводил я с таким услаждением сердечным. Что и заставило меня исследовать, кто такой был автор их и в какое время процветал, так как то и другое не было определено известно.

Беседований всех не слишком много сохранилось. Их, как видно, записывал некий усердный слушатель, как принимал из уст преклонного летами старца, во время многолетнего своего пребывания в иночестве прошедшего все степени христианского совершенства и востекшего на самый верх святыни, доступной смертному человечеству, при помощи божественной благодати. Автор беседований именуется блаженным аввою Зосимою. О записывателе намекается только, что он был один из всегдашних его слушателей, и вероятно брат той обители, в коей жил авва Зосима, при Иордане.

Но кто же сей блаженный авва Зосима? После долгого и старательного о сем изыскания, вот на чем наконец остановилось мое мнение, – что автор наших беседований есть тот самый славный Зосима, который свыше избран был для услышания об образе жизни св. покаяницы Марии Египетской из уст ее самой и для напутствования и погребения сей преподобной матери».

Подтверждает он такое мнение свое тем, что некоторые обстоятельства жизни аввы Зосимы, изрекающего настоящие наставления, сходны с обстоятельствами жизни аввы Зосимы, видевшего св. Марию Египетскую и рассказавшего о ней.

1) В сказании о жизни св. Марии Египетской говорится, что авва Зосима, с юных лет поступив в некий монастырь, прожил в нем 53 года; потом, по особому внушению свыше, перешел в один из монастырей прииорданских; и оттуда уже исходя, видел св. Марию. И в настоящих беседах поминается, что изрекавший их авва Зосима прежде жил в некоем монастыре в Тире (соб. 24); потом беседования сии дают видеть его в Неаполе (в Самарии, соб. 14) проходом; и наконец в обители св. Герасима (соб. 2). Последние указания очевидно истолковывают первые.

2) В сказании о св. Марии об авве Зосиме говорится, что он был богат опытностью духовною и что потому к нему обращались за советом многие не только из своего монастыря, но и из других ближних и дальних (п. 2 – в Греч.). Видно, что он не любил писать, а только говорил. И о св. Марии сказание не написал он, а передал устно, как оно осталось среди братий, пока св. Софроний не предал его письмени. Что таков же был и изрекатель настоящих наставлений, доказывает самый образ изложения их: его спрашивали, и он говорил. Двадцать девятое собеседование его ведется в обители св. Герасима. Можно допустить, что и другие все слышаны тут же и записаны каким-либо из ближайших его учеников.

3) Авва Зосима, изрекатель наставлений, любящий приводить отеческие изречения, приводит все древнейших старцев, и притом так, что память о них тогда была еще свежа. Это указывает на конец четвертого и начало пятого века. Находят, что Мария Египетская почилла около 430 года. Авва Зосима перешел в обитель прииорданскую, можно положить,

лет семидесяти. В обители сей ему пришлось прожить лет 30; ибо он почил ста лет. Для того, кто жил в первой половине пятого века, изречения старцев века четвертого могли быть свежи.

Такие наведения, с коими следует согласиться, определяя автора собеседований, определяют и время их происхождения, и то, как они произошли. Авва говорил; любящий духовное назидание ученик записывал. Так все собеседования и начинаются: «говорил, или сказал, или рассказывал авва Зосима». Можно не сомневаться, что собеседований как было много держано, так много было и записано. Настоящие собеседования представляются отрывком, который виден был и читан Иоанном Мосхом, составителем Луга духовного (лимонара). Его сказание 211 взято из 30 собеседования; 212 – из 24; 216 – из 15; 218 – из 25; 219 – из 29.

Память преподобного Зосимы – четвертого апреля.

В Патрологии, изд. Migne собеседования сии помещены в 78 т. Есть они и в рукописном Патерике из обители св. Саввы Палестинского, и помещены в конце первой главы, в виде прибавления. В рукописи собеседования идут без всякого разделения. В печати их означено 14; но так, что в некоторых из сих отделений содержится не одна беседа. При переводе сочтено более целесообразным каждое наставление и каждое сказание означать особым пунктом. Это тем более нужно было сделать, что в печати не все беседы помещены, и некоторые из помещенных не вполне помещены. Вышло таким образом 31 отделение.

Блаженного аввы Зосимы собеседования

1) Положив крестное знамение на уста, блаженный Зосима начал говорить так: Бог – Слово, воплотившись, великую даровал благодать уверовавшим и верующим в Него. Можно и в наше время уверовать и начать это отныне, если желаем. Ибо если произволение наше возжелает и благодать повоздействует, то всякому желающему можно ни во что вменить весь мир.

Потом он взял, что попало под руку, кажется, соломинку, или щепочку, или другое что ничтожное, и прибавил: кто из-за этого станет браниться или спорить, злопамятствовать или убиваться скорбию, кроме разве того, кто поистине потерял ум? Человек ли Божий, преуспевающий и в предняя простирающийся в жизни по Богу, не будет всего мира иметь наравне с этою соломинкою, хотя бы действительно он обладал всем? Ибо, как я всегда говорю, не иметь вредно, а иметь с пристрастием. Кто не знает, что из всего, что имеем, ничего нет дороже для нас тела? Итак, если когда время потребует, мы имеем повеление пренебречь даже телом, не тем ли паче тем, что есть у нас кроме него? Впрочем, не следует просто и как ни попало разбрасывать свои вещи, как не следует и самого себя без разбора бросать на смерть: ибо так действовать свойственно только потерявшему ум; но надобно ожидать, когда потребует того время, чтобы тогда быть готовыми на такое дело.

При сем припоминал он о брате, имевшем овощи, и говорил: не сеял ли он? не трудился ли? не возвращал ли? не удобрял? Но не вырывал их без разбора и не бросал; а только имел их так, как бы не имел. Почему, когда пришел к нему один старец с намерением испытать его и начал истреблять их, он даже не показался ему, а спрятался; и когда уже оставался один корень, сказал ему: если желаешь, отче, оставь это, и сделаем из того угощение. Из сего старец святой узнал, что он есть истинный раб Божий, а не раб овощей, и говорит ему: Дух Божий почил в тебе, брате. – Если б он имел овощи с пристрастием, то тотчас и обнаружил бы сие скорбию и смущением; но он показал, что имел их так, как бы не имел.

И заключил авва Зосима: бесы замечают такие случаи; и если видят, что кто-нибудь бесстрастно относится к вещам, не тревожась потерей их, то уразумевают из сего, что он ходит по земле, но не имеет в себе мудрования земного.

2) В устремлениях произволений вся сила. Горячее произволение в один час может принести Богу более благоугодного Ему, нежели труды долгого времени без него. Произволение вялое и ленивое бездейственно.

3) Бесы боятся, если увидят, что кто-нибудь, будучи подвергаем оскорблению, бесчестию, ущербам и всяким другим неприятностям, скорбит не о том, что подвергся сему, но о том, что, подвергшись, не перенес того мужественно: ибо уразумевают из сего, что он вступил на истинный путь и имеет твердое желание ходить в совершенстве по Заповедям Божиим. – При сем авва Зосима вспомнил о св. Пахомии, как поступил он, когда старший брат его укорил его, говоря: перестань, увлекаясь тщеславием, расширять монастырь. Св. Пахомий делал это по данному свыше повелению. Почему, когда услышал это, то как за доброе дело стоя, почувствовал движение негодования; однако ж ничего не сказал брату против в то время. Когда же настала ночь и неприятное движение сердца улеглось, он, вошедши в малую молитвенницу свою, начал плакать и молиться, говоря: «О Боже! во мне все еще мудрование плотское, все еще живу я по плоти. Увы мне! Как таковой, *умрети имам*, по Писанию (Рим. 8, 13). После таких подвигов, после такого уготования сердца, опять гневом увлекаюсь, хоть и за добро.

Помилуй мя, Господи, да не погибну до конца! Ибо если Ты не утвердишь меня совершенно в добре, и враг найдет во мне свою часть, хоть самую малую, я буду пленником его: *и иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен* (Иак. 2. 10).

Но верую, что если Ты, по великим щедротам Своим, поможешь мне, то я научусь наконец шествовать путем Святых Твоих, всегда *в предняя простираясь* (Флп. 3, 13), и посрамлю, как следует, самого врага. Иначе как же, Господи, буду я учить тех, кого призовешь Ты вместе со мною проводить жизнь сию, если сам прежде не побегну себя и врага?» В такой молитве пробыл он всю ночь, такие с плачем говорил слова, пока настал день; и от пота его под ногами его образовалось благо, потому что время было жатвенное, и место то очень знойно. – Удивляюсь сему, сказал блаженный Зосима: «его слезы не знали меры. Как же Бог не дарует такому горячему произволению всяких благ, у Него испрашиваемых, когда оно для всего мертво кроме сего?»

4) Говорил еще авва Зосима: когда кто, приведши на мысль оскорбившего его, или вред ему причинившего, или поносившего и оклеветавшего, или другое какое зло ему сделавшего, сплетает замыслы против него, то он сам на себя наветует подобно бесам; и тогда для навета на него достаточно его самого. И что я говорю: когда сплетает замыслы? – Если не воспоминает о нем, как о благодетеле и враче, то крайне неправо к нему относится. Ибо он вызывает наружу ту страсть, какою ты болишь, чтоб уврачевать ее; и ты должен потому воспоминать о нем, как о враче, посланном тебе от Христа. Ради Христа должно тебе перенести все, в благодарность Ему за такое благодеяние. Если же ты не воспользуешься сим как должно и не отстанешь от злой страсти своей, не Господь Бог виновен в этом. То самое, что ты страдаешь, есть признак, что душа твоя больна; если б ты не был болен, то и не страдал бы. Посему должен ты благодарен быть брату за то, что чрез него узнал ты ход болезни своей, и то, что ты от него потерпел, с любовью принять, как целительное врачевство, посланное от Самого Господа Иисуса. Если же ты не только не благодаришь, но оскорбляешься, встаешь против, жалуешься и сплетаешь замыслы против него; то ты чрез то говоришь как бы Господу Иисусу: «не хочу быть уврачеван Тобою; не хочу принимать врачевства Твои; хочу изгнать в ранах моих, хочу быть послушен бесам. Не знаю Господа; и кто Он есть, чтоб мне послушаться гласа Его (Исх. 5, 2)? И что наконец сделает Господь?» – Господь, будучи благ к нашим худостям, дал нам заповеди к уврачеванию их, как прижигания и очистительные. Почему, кто хочет и ищет уврачеваться, тому необходимо перетерпевать, что налагает на него врач, с молчанием, хотя и болезненным. Ведь и больной телом не сладким почитает терпеть сечения и прижигания, или принимать очистительное; но убежден будучи, что без этого невозможно избавиться от болезни, отдает себя в руки врача, с уверенностию, что чрез эту малую подлежащую ему боль избавиться от сильного внутреннего расстройства и долговременной болезни. Прижигатель же Иисус-Христов есть тот, кто причиняет обиды и вред.

5) Сказал он сверх того: уничтожь искушения и помыслы, – и не будет ни одного святого. Бегущий от искушения спасительного, бежит от вечной жизни. Некто из святых и говорит: «кто доставил св. мученикам венцы оные, если не мучители их? Кто даровал св. Стефану такую окружающую его, славу, если не те, кои побили его камнями?» – прилагая к сему изречение и другого святого, который говорил: «я не виню поносящих меня, а напротив называю их и почитаю своими благодетелями; и не отреваю Врача душ, подающего тщеславной душе моей врачевство бесчестия, боясь, как бы Он некогда не сказал и моей душе: *врачевахом Вавилона и не исцеле* (Иер. 51, 9); и опять: *колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже кокош гнездо свое под крыле, и не восхотесте? се оставляется вам дом ваш пуст* (Лк. 13, 34, 35).

6) Говорил еще: Евагрий боялся, чтобы Господь, укоряя его, не сказал ему: «ты болел тщеславием, и я навел на тебя врачевство бесчестия, чтоб ты чрез то очистился; но ты не уврачевался». – Да ведаем же, что никто не говорит о нас прямой истины, кроме того, кто укоряет нас. Господь, испытующий сердца и утробы, ведает, что хотя бы все люди хвалили и ублажали нас, наше все тем не менее достойно укора и стыда оплеваний. Если скажут: ты то и то сделал; я отвечу: но что же из всего моего хорошо? – Никто не говорит о мне лжи, кроме

хвалящих и ублажающих меня, и никто не говорит о мне истины, кроме укоряющих и уничижающих меня; и они не всю еще обо мне истину говорят. Если б пришлось им узнать не говорю все море моих злых дел, но часть некую, то они отвратились бы от смрада и зловония души моей. Если б все члены тел человеческих превратились в языки, чтоб укорять нас, я убежден, что и тогда не смогли бы они вполне выразить наше бесчестие. Всякий укоритель часть только некую укоряет, всего же знать он не может. Если Иов говорит: *исполнен есмь безчестия* (Иов. 10, 15), а что полно, то не вмещает уже ничего более; что скажем мы, бездною суще зол? Всяким грехом смирил нас диавол, – и мы должны быть благодарны тем, кои смиряют нас уничижением: ибо те, которые бывают благодарны за свое уничижение, стирают главу диавола. Святые же отцы сказали, что если смирение низведено будет до ада, оно вознесется до небес; и напротив, если гордость возвысится до небес, она низведена будет до ада. Кто заставит уничиженного сплестать помыслы против кого-либо, или хоть похулить кого, или возложить вину на другого? Ибо что бы ни потерпел смиренный или ни услышал, он берет от сего повод к тому, чтоб себя самого похулить и уничижить. При сем блаженный Зосима припомнил, как авва Моисей, когда клирики выслали его из алтаря, говоря: поди вон, эфиоп, начал себя самого уничижать, говоря: добре они с тобою поступили, чернокожий! Не будучи человеком, не ходи в среду людей. Хорошо они сделали.

7) Говорил также: что удобнее к исполнению того, что слышим от святого и деятельного наставника нашего аввы Аммона, который говорит: внимай тщательно себе, чего ради вышел ты из мира и зачем ты здесь, – и всячески старайся, когда кто скорбь какую причинит тебе, молчать и отнюдь ни одного слова не произносить, пока непрестанною молитвою не укротится сердце твое; и потом уже умоляй брата о прощении. Ибо кто любит истинный и прямой путь, тот, когда смутится чем, всегда сильно укоряет и обличает самого себя, говоря: что беснуешься, душа моя, и что мятешься, как помешанная? Этим самым показываешь, что ты больна. Ибо если б не была больна, то не страдала бы. Для чего же, оставя укорять саму себя, упрекаешь ты брата, который показал тебе болезнь твою? Делом и истиною научайся заповедям Христа Господа, Который *укоряем противу не укоряише*, стражда не прещаше (1 Пет. 2, 23). Слышишь, что говорит Он, и что делом показывает: *плещи моя вдах на раны, и ланиты на заушение, лица же Моего не отвратих от стыда заплеваний* (Ис. 50, 6). Ты же, бедная душа, за малое похуление тебя и непочтение, за некое презрение и отвращение, осуждение и оклеветание, сидишь, сплетая бесчисленные неприязненные помыслы, чем наветуешь сама на себя, как демоны. Что сам демон может сделать такой душе больше того, что она сама себе делает? Крест Христов видим, о страданиях Его, какие претерпел Он ради нас, читаем каждый день; а сами ни одного оскорбления не переносим. Поистине мы уклонились от правого пути.

8) Еще сказал: если кто Мафусаловы проживет лета, а не будет шествовать тем прямым путем, каким шествовали все святые, – говорю о пути обесчещивания и несправедливых уронов и мужественного их претерпевания, – тот не преуспеет ни много ни мало и не обретет сокровитного в заповедях сокровища, а только напрасно потратит все лета жизни своей. При сем прибавил он: когда был я у блаженной Дионисии, один брат просил у ней что-нибудь в благословение, и она дала ему что и сколько могла. Но как ему дано было не столько, сколько он ожидал, то он начал ее поносить и говорить на нее и на меня нелепые речи. Услышав это, она рассердилась и хотела отплатить ему чем-нибудь. Поняв это, я сказал ей: «что ты это делаешь? Этим ты наветуешь сама на себя и отъемлешь всю добродетель у души своей. И что по достоинству терпишь ты такого, что Христос потерпел ради тебя? Знаю, госпожа, что ты рассорила все имущество свое, как сор, но если не взыщешь кротости, то будешь то же, что кузнец, который бьет кусок железа, а нужной вещи не выделяет. Послушай, что говорит Игнатий Богоносец: взыщи кротости, коею разрушается вся сила князя века сего. Признаком того, что мир совершенно оставлен, есть не встревоживаться ни из-за чего. Бывает, что

иной, презрев многие сокровища, пристращается к игле, и сие пристрастие причиняет ему смущение и тревоги. Тогда игла заступает у него место сокровищ. Вот как бывает иной рабом иглы, или кукуля, или мантии, или книги, переставая уже быть рабом Божиим. Хорошо сказал некто из мудрых, что сколько страстей в душе, столько и господ. И Господь говорит: *идеже сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). И Апостол также: *имже кто побежден бывает, сему иработен есть*» (2Пет. 2, 19). Выслушав сие, она посмотрела на меня с удивлением и сказала: да обретешь ты Бога, Коего вожделеваешь.

9) Говорил также блаженный: душа желает спастись, но вожделевая благ суетных и об них заботясь, бежит трудов по делу спасения. Хотя поистине не заповеди тяжки, а злые пожелания наши. Бывает же, что мы иной раз, боясь утонуть в море или попасться в руки разбойников, все презираем и охотно бросаем вещи свои, когда видим, что спустя немного предлежит нам смерть. Но если для того, чтобы еще немного пожить на земле, мы все презираем и за счастье считаем, если, все потеряв, спасем самих себя от разбойников ли, или от моря, – причем незадолго пред сим бесновавшийся из-за овола⁵ спешно бросает все, чтобы только сохранить привременную жизнь, то почему не держим мы такого расчета и относительно Жизни Вечной? Почему не силен у нас столько страх Божий, сколько силен страх моря, как сказал некто из святых.

10) В подтверждение сего авва рассказал следующий случай, слышанный им от неких. Некогда один торговец камнями сел на корабль с детьми своими, имея с собою множество драгоценных камней и маргаритов, которые надеялся выгодно продать в той стране, куда направлялся. Случилось ему по смотрению Божию особенно полюбить одного отрока, прислуживавшего ему на корабле; и он утешал его, как и сам утешался им, и давал ему есть то же, что сам ел. В один день слышит отрок сей, как корабельщики шепчутся между собою, и прислушавшись узнает, что они порешили торговца того бросить в море из-за камней его драгоценных. Это очень его опечалило. Когда потом с лицом печальным пришел он к тому торговцу камнями, чтобы по обычаю послужить ему, тот спросил его: чего ты ныне так печален? Ничего, ответил отрок, не смея сказать истину. Тот опять спросил: есть что-то у тебя, скажи мне по правде, что такое? Отрок зарыдал и сказал ему: так и так умыслили против тебя корабельщики. Точно так? спросил купец. Да, ответил отрок, – так они положили между собою. Тогда купец призвал детей своих и сказал: что ни скажу вам, сделайте то, не упираясь. Потом, разостлав полотно, сказал им: принесите сюда ящики. Они принесли. И он начал выкладывать камни. Выложив же все, проговорил он: такова жизнь! Из-за этих вещей я подвергаюсь опасности быть брошенным в море и спустя немного умереть, ничего не взявши с собою. Затем приказал детям: выбросьте все это в море; и они вместе с словом его тотчас выбросили все в море. Изумились корабельщики, и разорился умысел их злой.

⁵ Овол – денежная мера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.